

За фасадом
буржуазных
теорий

Ю. ЧАПЛЫГИН

**«ТЕХНОТРОННЫЕ»
ИЛЛЮЗИИ**

Издательство
политической литературы
Москва • 1972

Чаплыгин Ю. П.

2-19 «Технотронные» иллюзии. М., Политиздат, 1972.

64 с. (За фасадом буржуазных теорий)

В цепи идеологических мифов, создаваемых буржуазными апологетами, особое место занимает миф о чудодейственной силе научно-технического прогресса, который якобы способен не только автоматически разрешить социальные противоречия капитализма, но и дать полный простор его развитию. Этот тезис лежит в основе новомодных концепций «нового индустриального государства», «постиндустриального общества», «технотронной эры».

Автор брошюры, журналист, кандидат экономических наук, разоблачает воззрения авторов и проповедников этих концепций, обнажает их социальный смысл и политические цели.

1 «Бестселлеры десятилетия»

В идеологии нет более сильного оружия, чем общие социально-экономические теории. Их «взрывная» сила вполне объяснима: обосновывая или отвергая правомерность общественных систем и политических режимов, они тем самым непосредственно затрагивают интересы людей, а в антагонистическом обществе — интересы противоборствующих общественных классов и социальных групп.

Неудивительно, что в центре внимания современной антикоммунистической пропаганды оказываются именно те теории и концепции, авторы которых пытаются дать ответ на вопросы, поставленные самим временем: «Какова судьба капитализма? Куда движется человечество?» И хотя весь ход исторического развития дает на эти вопросы недвусмысленные ответы, буржуазные идеологи предпринимают невероятные усилия, пытаясь доказать, что капитализм не является умирающим строем.

Для этого в ход пускаются любые средства. Так, уже давно замечено, что броский термин играет весьма важную роль в буржуазной политической экономии и социологии. Известно и то, что зачастую звучные термины появляются не после формулировки той или иной концепции, а предшествуют ей.

Например, броское словосочетание «народный капитализм». «Теория» под таким названием шумно проществовала через все 50-е годы. Не было, пожалуй, ни одного буржуазного экономиста и социолога, который бы не внес "свою лепту в ее аргументацию. Но не стоит искать среди них того, кто первый произнес эти два слова. Они изобретение неизвестного рекламного агента, прилепившего их к названию одной из передвижных американских выставок.

Не менее любопытно и появление в буржуазной науке понятия «конвергенция». Сам по себе это биологический термин, означающий возникновение у разных организмов общих черт в результате их приспособления к одинаковым условиям существования. Буржуазные идеологи приспособили этот термин для обозначения псевдонаучной концепции о неизбежном будто бы слиянии двух противоположных общественных систем в «единый индустриальный мир», которая, в свою очередь, легла в основу империалистической политики «наведения мостов».

И еще один столь же любопытный факт. На заре XX века американский экономист Т. Веблен впервые употребил понятие «индустриальная система» применительно к характеристике экономической структуры монополистического капитализма. Тогда на него не обратили особого внимания. Сам Веблен вошел в историю западной экономической мысли как основатель «технократического» направления буржуазной политэкономии и социологии. Он и его последователи выступали с идеей о неизбежности передачи власти в капиталистическом обществе ученым, инженерам и специалистам-администраторам.

Так, в книге «Собственность без собственников» Веблен утверждал, что на смену господству финансистов и промышленников придет эра господства инженеров и ученых. Он даже предлагал создать специальный «совет техников» или «генеральный штаб индустриальной системы».

Позднее, в 30-е годы, эти идеи воспринял и развил ряд западноевропейских и американских экономистов. Но в отличие от Веблена, который в общем-то критически относился к монополиям, они считали возможным и необходимым мирное сотрудничество технократов с корпорациями. Эту идею довольно широко пропагандировали Г. Минз и А. Берли в своей теории «корпоративной революции».

В послевоенные годы «технократические» концепции о возможности и необходимости передачи власти в руки инженеров, технической интеллигенции были обобщены американским экономистом Бернхэмом в теорию «революции управляющих». Опираясь на многочисленные факты передачи управления корпорациями наемным

менеджерам, он утверждал, что после второй мировой войны сложился-де «капитализм без капиталистов»: контроль и управление предприятиями перешли якобы в руки наемных директоров и администраторов, а капиталисты-акционеры отныне довольствуются лишь стрижкой купонов.

Так постепенно выкристаллизовался один из крупнейших идейно-теоретических мифов современной буржуазной политической экономии и социологии. Если отсеять частные взаимопротиворечащие посылки и аргументы сторонников этой концепции, то ее суть можно охарактеризовать словами одного из известных проповедников теории «революции управляющих», профессора экономики Гарвардского университета Эдварда Мэйсона. В книге «Корпорация в современном обществе» он пишет: «Теперь все согласны с тем, что в крупной корпорации собственник в общем является пассивным получателем дивидендов, что контроль обычно находится в руках управляющих и что управляющие обычно сами избирают себе преемников».

Этот тезис, как мы увидим дальше, лег в основу апологетических концепций о «новой трансформации» капитализма.

Ну, а какова же судьба словосочетания «индустриальная система»? Примерно через три десятилетия оно уже широко употребляется в работах известного американского экономиста Питера Дракера. А еще некоторое время спустя этот термин стал «несущей конструкцией» нового «технологического» направления буржуазной политэкономии и социологии. На своем знамени сторонники этого направления начертали слова, принадлежащие его основателю Ж. Фурастье: «Технический прогресс — единственный, непосредственно и косвенно, двигатель исторической эволюции». И сегодня, какую бы работу буржуазных экономистов и социологов «технологического» направления мы ни взяли, везде техника и технология трактуются как прямые создатели общественного строя, а научно-технический прогресс наделяется сверхъестественной силой: это, дескать, единственное, что может устранить противоречия между капиталистическими производственными отношениями и производительными силами и обеспечить «трансформацию» капитализма из одной «индустриальной системы» в другую.

В наиболее полном виде эти идеи представлены в теории «индустриального общества», которая окончательно сформировалась на рубеже 50—60-х годов. Ее «отцами» считаются известные французские экономисты и социологи Жан Фурастье, Раймон Арон и Жак Зллюль. Но на Западе их «детище» не признается оригинальным. Очевидно потому, что французские экономисты слишком много позаимствовали у идеологов «технологического» направления американской буржуазной политической экономии и социологии, в частности у Питера Дракера.

Что же такое «индустриальное общество»? Раймон Арон определяет его как «общество, в котором характерной формой производства является крупная индустрия». Ныне, говорит он, абсолютное большинство населения живет в городах, не связано с сельским хозяйством и органически слилось с индустрией.

Какие же социально-экономические выводы из этого в общем-то очевидного факта делают буржуазные теоретики? Наиболее обстоятельный ответ дал Р. Арон. В статье «Индустриальное общество, идеология и философия» он писал: «Все наблюдатели с удовольствием признают, что марксистское предвидение относительно будущего капиталистических стран оказалось в конечном счете опровергнутым по очень простой причине: индустриализация даже и главным образом при строе частной собственности дает все возрастающему числу людей нечто такое, что следует защищать, она не распространяет нужду, увеличивает ряды средних классов, она обеспечивает все возрастающей части населения условия жизни мелкой буржуазии. Но свойство индустриализации в нашу эпоху состоит не только в том, что она все больше улучшает судьбу возрастающего количества людей, но и в том, что она вселяет надежду на то, что улучшение будет продолжаться внутри существующих рамок».

Смысл этого обобщающего высказывания предельно ясен: создать впечатление, будто индустриальное развитие, движущей силой которого является научно-технический прогресс, позволяет не только автоматически разрешить социальные противоречия современного буржуазного общества, но дает ему простор для дальнейшего развития при сохранении основополагающих

принципов и черт капиталистического способа производства. Отсюда вытекает центральная идея буржуазных идеологов — доказать, будто рабочий класс, трудящиеся массы могут осуществить свои чаяния без революционного преобразования общества, по мере прогресса науки и техники в рамках капиталистического строя, на путях соглашения с монополистической буржуазией.

Но доказать это авторам и пропагандистам «индустриального общества» не удалось: во второй половине 60-х годов капиталистический мир захлестнула мощная волна острых социальных конфликтов. Классовые удары широких пролетарских масс, мирные демонстрации и насильственные акции молодежи, гневные протесты революционно настроенной интеллигенции в конечном итоге были направлены против всевластия монополистического капитала, против сосредоточения в руках монополий огромного экономического аппарата и уродливых социальных последствий использования ими достижений современной науки и техники, утонченных методов капиталистической эксплуатации, попрания прав человеческой личности.

Высокий накал классовой борьбы убедительно показал провал теоретиков «индустриального общества», их «технологических» мифов и иллюзий, с помощью которых они пытались затуманить подлинный смысл происходящих социально-экономических процессов, усыпить бдительность трудящихся и укрепить социальные тылы монополий. Идеологам и апологетам капитализма как воздух нужны были новые социально-экономические концепции, способные дать более или менее правдоподобное толкование процессов, происходящих в недрах этой общественной системы в условиях современной научно-технической революции. И самое главное, по мысли буржуазных теоретиков, эти концепции должны ослабить притягательную силу социалистических идей, опорочить в глазах народов теорию и практику марксизма-ленинизма.

Одним из главных направлений усилий и явилась попытка усовершенствовать, опираясь на методологию теории «индустриального общества», аргументацию идей о новой «трансформации» капитализма за счет прежде всего придания ей более современного звуча-

ния. Буржуазные идеологи пошли известным уже путем: начали искать и вводить в лексикон пропагандистской машины монополий новые термины. При этом они стремились изобрести не просто новый термин, а такой, который имел бы внушительное звучание и не вызывал бы дисгармоничных ассоциаций у современников.

Наиболее удачливыми «изобретателями» таких терминов можно считать американцев Джона Гэлбрейта, Дэниела Белла и Збигнева Бжезинского. Спасая сомнительные ценности теории «индустриального общества», первый из них выдвинул концепцию «нового индустриального государства», второй — «постиндустриального общества», а третий — «технотронной эры».

Имя Джона Кеннета Гэлбрейта широко известно в буржуазных экономических кругах. Преподаватель Калифорнийского, Гарвардского и Принстонского университетов до второй мировой войны, активный сторонник «нового курса» президента Франклина Рузвельта, администратор ряда правительственных экономических организаций (Управление по контролю за ценами, Экономическое бюро стратегической авиации, Управление экономической политики госдепартамента) и один из редакторов влиятельного органа американских деловых кругов журнала «Форчун» в военное время и в первые послевоенные годы, посол США в Индии в президентство Джона Кеннеди, а сейчас профессор экономики Гарвардского университета — таков вкратце послужной список Джона Гэлбрейта — личности несомненно яркой, но весьма сложной и противоречивой.

Гэлбрейт никогда не ограничивал свои исследования «чистой» теорией политической экономии или «Экономикса», по терминологии буржуазных теоретиков. «Его цели,— писал американский журнал *Америкэн экономик ревью*,— шире, чем цели традиционной политической экономии. Он занят не только изучением влияния политических позиций в экономических решениях, но и широкими социальными выводами из нарисованной им общей картины».

Действительно, в большинстве работ Гэлбрейта наряду с анализом актуальных экономических проблем затрагиваются острейшие вопросы идеологии и политики. Выступая с позиций буржуазного либерализма против наиболее реакционных и непопулярных соци-

альных и внешнеполитических доктрин и практических действий американского империализма, он провозглашает необходимость мирного сосуществования, разоружения и не приемлет оголтелый антикоммунизм.

Тем не менее Дж. Гэлбрейт остается сыном своего класса и общества. Во всех своих наиболее известных и крупных трудах (например, «Американский капитализм: концепция уравнивающих сил», «Общество изобилия», «Новое индустриальное государство») он обосновывает идею «трансформации» капитализма, разрабатывает и предлагает правящим кругам мероприятия по его оздоровлению и укреплению с помощью реформ, не затрагивающих основ монополистического капитализма.

Гэлбрейт призывает ответить, пока не поздно, на «вызов социализма». И предупреждает: этот «ответ» не должен основываться на легкомысленной недооценке преимуществ и потенциальных возможностей социалистического строя и не менее роковой переоценке потенций капитализма. Нет, реальный путь укрепления позиций капиталистического мира он видит в более тесном соединении государства и монополистических корпораций, в мобилизации всех ресурсов США и других индустриально развитых капиталистических стран на то, чтобы разрешить социально-экономические противоречия буржуазного общества с помощью реформ и не допустить социальных революций.

Такова исходная точка зрения Гэлбрейта, когда он пытается, по его словам, создать «синтетическую» теорию, охватывающую важнейшие закономерности современного капитализма. Основная цель ее — вскрыть и проанализировать роль и тенденции развития монополистической корпорации, экономическую и социальную роль буржуазного государства, методы, направления и эффективность государственного регулирования экономики, новейшие тенденции изменения классовой структуры общества и, наконец, перспективы развития социализма и капитализма в рамках «единого индустриального мира».

Эти направления исследовательской деятельности Гэлбрейта наиболее четко прослеживаются в его книге «Новое индустриальное государство». В значительной мере она основывается на предыдущих работах, но от-

личается от них тем, что некоторые ранее высказанные в них идеи здесь получили свое законченное оформление, В частности, Гэлбрейт приводит новые аргументы, доказывающие апологетический тезис о «новой трансформации» капитализма, которая якобы происходит под определяющим влиянием «применения все более сложной и совершенной техники в сфере материального производства».

Весьма показательно, что Гэлбрейт «не стеснясь» говорит о наиболее явных, с его точки зрения, пороках капитализма, в частности американского. Тем самым он навлекает на себя крайне гнев правого реакционного крыла идеологов монополистической буржуазии. Но, выступая как сторонник гибких методов спасения капитализма, как пропагандист и идеолог «просвещенной» финансовой олигархии, как глашатай буржуазного реформизма, он твердо стоит на позициях антикоммунизма, упорно пытается «развенчать» идеи научного социализма.

Именно в этом и состоит парадокс Гэлбрейта. Его, убежденного антикоммуниста, противника марксистско-ленинской идеологии, американские ультра по своей близорукости и невежеству считают «красным», чуть ли не коммунистом. Но вся «розоватость» Гэлбрейта, если она вообще есть, идет от того, что он, в отличие от махровых реакционеров и оголтелых антикоммунистов, более реалистично оценивает силы социализма, более критически относится к наиболее вопиющим порокам империализма и энергично ищет способы и пути оздоровления капитализма не в области мелкобуржуазных мечтаний о возврате к «добрым временам» свободной конкуренции и не только с помощью полицейской реакции и грубого подавления демократического движения. Он убежден, что главный путь сохранения и укрепления основ капиталистического строя, самого способа производства — реформистское обновление «индустриального общества», превращение его в «новое индустриальное государство», где решающие позиции принадлежат «социально ответственным» крупнейшим корпорациям — монополиям и тесно связанному с ними буржуазному государству. Движущая же сила такого превращения — современная техника и технология.

Такой подход к обновлению апологетики капита-

лизма нашел широкий отклик среди буржуазных, и особенно американских, идеологов. В частности, спустя два года после выхода в свет книги Дж. Гэлбрейта «Новое индустриальное государство» американский социолог В. Феркисс, суммируя взгляды его последователей и сторонников, заявлял: «Все согласны, что технологические факторы приводят к становлению новой цивилизации, отличной во многих отношениях от индустриальной цивилизации».

Что же представляет из себя «новая цивилизация»? Каковы ее главные отличительные черты? Конечно, речь здесь не идет о всей системе мирового капитализма. Буржуазные теоретики не могут не видеть, что она развивается настолько неравномерно и противоречиво, что было бы неразумно говорить о всеобщей ее «трансформации» в «новую цивилизацию». Поэтому в качестве образца они предлагают лишь американский капитализм.

Чем же отличаются США 70-х годов от конца 50-х? Прежде всего, говорят некоторые американские экономисты и социологи, Соединенные Штаты уже не являются «обществом массового потребления». Вспомним в этой связи, что всего десять лет назад, в начале 60-х годов, американский профессор Уолтер Ростоу в книге «Стадии экономического роста. Некоммунистический манифест» провозгласил, будто США только вступают в «век массового потребления». А сегодня уже утверждается, что этот «век» закончился — его сменил «зек послеиндустриальный». Поистине неисповедимы пути верноподданнической апологетики!

Итак, каковы же отличительные черты «нового века»? Их очень много. В книге сотрудников одного из крупнейших научных центров Соединенных Штатов Америки — Гудзоновского института «Год 2000-й. Основы для размышлений о следующих тридцати годах» таких черт насчитывается пятнадцать. Здесь и утверждение, что большинство видов экономической деятельности относится к сфере обслуживания и образования и вытесняет деятельность в сельском хозяйстве, добывающей и обрабатывающей промышленности. Здесь и заявления о том, будто капиталистическое предприятие (коммерческая фирма) уже не является основным источником научных, организационных и технических

новшеств; таковым становятся университеты и другие исследовательские организации, чаще всего «некоммерческого» типа. Здесь и заверения в том, что «рынок», т. е. частнокапиталистический сектор, играет якобы все уменьшающуюся роль по сравнению с общественным сектором, главная цель которого не прибыль, а социальная выгода. Здесь и такие черты «нового капитализма», как «кибернетизация» экономической и общественной жизни, высокие темпы экономического роста и непрерывное обучение усовершенствованными средствами и методами.

Разумеется, среди этих «основных» черт нет самого главного: каков характер системы производственных отношений? Исчезает или нет эксплуатация? Что происходит с частной собственностью? В чьих руках находится и будет находиться в ближайшем будущем политическая власть? На сей счет проповедники очередной «трансформации» капитализма скромно молчат. Более того, они даже близко не подходят к такой теме. Правда, не все буржуазные идеологи обладают подобной «скромностью». И один из них — «отец» теории «постиндустриального общества» Д. Белл.

В отличие от Дж. Гэлбрейта — политэконома, социолога, политика, профессор Колумбийского университета Дэниел Белл известен как крупнейший американский прогнозист-футуролог. Эту известность он снискал, когда вместе с тремя другими американскими социологами, Э. Шилсом, С. Липсетом и Т. Парсонсом, создал теорию «сайентизма», или «антиидеологию». Не мудрствуя лукаво, эти «теоретики» провозгласили конец всякой идейно-теоретической доктрины, основанной на классовых интересах. Таким доктринам «антиидеологи» противопоставляли программы, в которых будущее буржуазного общества рисовалось без политических и идеологических страстей, классовой борьбы. Главным «антиидеологи» считали технику прогнозирования, а свою «теорию» относили не столько к социальным, сколько к естественным наукам и призывали смотреть на мир глазами не политика или идеолога, а «лояльного и корректного инженера, экономиста и статистика».

С таким идейно-теоретическим багажом Д. Белл осенью 1965 г. возглавил созданную американской Академией искусств и наук «Комиссию 2000 года». Перед

Д. Беллом и комиссией стояла задача — начертать «альтернативную картину для будущего». И менее чем через два года Белл публикует своеобразные методологические ориентиры — «Заметки о постиндустриальном обществе».

Эта статья была помещена в двух номерах за 1967 г. не очень-то распространенного социологического журнала «Паблик интерес». Затем ее основные идеи были повторены в докладе Белла на международной футурологической конференции в Токио. Позднее без изменения она перепечатывается в качестве предисловия к книге «Год 2000-й...», о которой мы уже упоминали.

Конечно, трудно сравнивать «Заметки» Белла с «Новым индустриальным государством» Гэлбрейта. И тем не менее его статья получила широкий резонанс и стала одним из «бестселлеров десятилетия». Она встретила понимание и признание среди либеральных университетских профессоров и части студенчества, управленческого и научно-технического «истеблишмента», либеральных политиков и профсоюзных деятелей. Всем им, разочаровавшимся в политике грубой силы и откровенного нажима, напуганным натиском научно-технического прогресса, бурным ростом классовой борьбы пролетариата, гневными протестами левой молодежи и интеллигенции против всеподавляющей «индустриальной цивилизации» капитализма, нужен был новый теоретический идол, который помог бы приспособить основы господствующей идеологии к новым историческим условиям, сохранить существующий строй, не дать ему опрокинуться под давлением революционных сил. Р1 Белл мягко, неназойливо, что называется, подбросил либералам такого идола — «постиндустриальное общество».

Нынешнее общество промышленно-потребительского гнета, убеждает своих читателей Белл, движется к своему концу. На смену эпохи господства вещей, разлагающих душу и сознание человека, идет эпоха господства идей, творческой мысли, научных чудес. Главные ее признаки — интеллектуальная технология, превосходство теории над эмпирикой, централизация научных знаний, превращение университетов и исследовательских фирм в ключевые, контролирующие учреждения общества, специальный отбор и выращивание

талантов. «Индустриальное общество занимается производством товаров... Что касается постиндустриального общества, то оно основывается на принципе научных знаний, и этот факт создает новые социальные отношения и новую структуру, которая должна быть оформлена политически...» — таков основной тезис Белла, с энтузиазмом встреченный «технократами»-либералами.

Этот энтузиазм вполне объясним. Не затрагивая социальных основ существующего строя, автор концепции «постиндустриального общества» вносит в него единственный корректив, сводящийся к небольшой перестановке в составе правящего класса. Он считает, что для повышения эффективности управления буржуазным обществом промышленно-финансовая олигархия должна потесниться и дать место у кормила власти верхушке интеллектуальной элиты.

Что касается «воззрений» Збигнева Бжезинского, автора концепции «технотронной эры», то они представляют собой вульгарный перепев взглядов Дж. Гэлбрейта, Д. Белла и других теоретиков новейших вариаций «трансформации» капитализма, но в еще большей мере одобренный антикоммунистическими измышлениями и откровенной апологетикой американского империализма.

Збигнев Бжезинский — поляк по крови, американец по воспитанию и образованию, ярый антикоммунист и враг социализма по призванию — вот уже более двадцати лет верой и правдой служит самым реакционным силам американского империализма. Консультант исследовательской программы по СССР, научный сотрудник Русского исследовательского центра и Центра по международным делам Гарвардского университета, директор Института по проблемам коммунизма при Колумбийском университете и одновременно член Совета планирования внешней политики при госдепартаменте США — таковы этапы карьеры Бжезинского на поприще антикоммунизма.

Его используют для самых шекотливых поручений. Неудивительно, что именно этот «специалист по антикоммунизму» в 1968 г. оказался в Чехословакии, когда там подняла голову контрреволюция. Он даже выступал в Праге с лекциями. Не составляет труда предста-

вить, какие идеи излагались в них. Ведь давно уже известно, что его многочисленные антикоммунистические и антисоветские «изыскания» всегда были направлены на доказательство бредовой идеи об «эрозии коммунистической идеологии». Суть ее Бжезинский сформулировал еще в начале 60-х годов. Тогда он утверждал, что по мере роста материального благосостояния народа влияние марксизма на сознание людей в социалистических странах должно якобы постепенно уменьшаться, «выветриваться».

Но этим надеждам не суждено было сбыться. И уже в конце 60-х годов Бжезинский вынужден был обратить свое внимание на проблемы футурологии, связанные главным образом с перспективами капиталистической Америки. Одну за другой он публикует книги «Америка в технотронной эре» (1967 г.) и «Между двумя эпохами: роль Америки в технотронной эре» (1970 г.), а также серию статей в ряде американских общественно-политических журналов.

Все эти публикации — удивительный образчик научной беспомощности. Что стоят, например, пустопорожние рассуждения Бжезинского о том, что США вступили в «новую эру», но... само понятие «эра» — это «историческая абстракция». Пытаясь же быть оригинальным и хоть чем-нибудь отличаться от Дж. Гэлбрейта и Д. Белла, он из двух понятий «технология» и «электроника» лепит новый термин — «технотроника» и использует его в качестве названия своей концепции американского общества. «Термин «технотронная», — утверждает Бжезинский, — лучше выражает сущность изменений, чем термин «постиндустриальная», введенный Д. Беллом. Он отражает влияние новой техники и электроники (особенно ЭВМ и средств связи) на культурное, психологическое, социальное и экономическое развитие общества». А на международном симпозиуме по проблемам «постиндустриального общества» в Принстоне в декабре 1968 г. Бжезинский уже открыто оспаривал приоритет Белла в определении «новой эры» человечества.

Так или иначе, домыслы Бжезинского направлены к одной цели — доказать, будто переход в «технотронную эру» неизбежен для всех стран, независимо от их социального строя. Он будет происходить постепенно,

дескать, без революционных взрывов и потрясений, без социальных революций, по мере накопления необходимых научно-технических условий. Во главе же этого движения находится «социальный первопроходец» — Соединенные Штаты Америки. «Наше общество перестает быть индустриальным обществом. Во все возрастающей степени оно формируется под влиянием техники и электроники и становится первым технотронным обществом», — ничтоже сумняшеся заявлял З. Бжезинский в статье, опубликованной в журнале «Нью рипаблик» 23 декабря 1967 г.

Проповедь «американской исключительности», хотя и с помощью новых «научно-технических» терминов, ставит З. Бжезинского на крайний правый фланг среди современных сеятелей «технотронных» иллюзий. Если Дж. Гэлбрейт и Д. Белл обращаются больше к либеральным кругам буржуазной интеллигенции, тщательно маскируются здравым смыслом, объективностью и политическим тактом, то Бжезинский ориентируется главным образом на обывателя, работает на потребу пропагандистской машины антикоммунизма. Его книги и статьи по проблемам «технотронного общества» легли в основу ряда антикоммунистических акций американской пропаганды, а сам Бжезинский получил постоянную страницу в журнале «Ньюсуик» — одном из самых реакционных изданий в США.

Так рождаются «бестселлеры десятилетий». И надо сказать прямо: в том, что проповедают в них либералы Дж. Гэлбрейт, Д. Белл и махровый антикоммунист З. Бжезинский, нет ничего принципиально нового ни в идейно-теоретическом, ни в практическом плане. Все это старые, давно известные иллюзии, по существу перепевы основополагающих идей представителей «технологического» и «технократического» направлений. Их эклектически объединили под одной крышей авторы и проповедники концепций «нового индустриального», «постиндустриального» и «технотронного общества». И не просто объединили, но и заметно подновили с учетом тех реальных изменений, которые вносит в экономическую и социальную жизнь капиталистического общества современная научно-техническая революция. Каковы основные позиции новоявленных «индустриа-

листов» и «технотронщиков», какие реальные процессы получили искаженное отражение в их концепциях? К рассмотрению этих вопросов мы и переходим.

2 В путях «технологизма»

Одна из главных идей, которую полностью восприняли от своих идейных отцов Дж. Гэлбрейт, Д. Белл и З. Бжезинский и положили в основу своих теоретических схем,— это утверждение о «независимости индустриальной системы». Эта система, считают они, не связана с существующими общественными отношениями. Она, дескать, независима от них, а ее самодвижение — это единственный общественный фактор, постоянно и непрерывно преобразующий экономические законы и социальную природу строя.

Одну из первых «прикидок» в этом направлении сделал еще в начале 30-х годов известный английский экономист Дж. Соул. Капитализм в тот период до основания сотрясился под ударами мирового экономического кризиса, а социальная обстановка была накалена до предела. Однако Соул утверждал: «Современную цивилизацию правильнее было бы назвать, пожалуй, машинной или технической, чем системой капиталистической прибыли».

Позднее по мере обострения социальных противоречий и нарастания классовой борьбы пролетариата буржуазные экономисты и социологи стали утверждать, будто под влиянием прогресса науки, техники и технологии происходит «трансформация» капитализма в «новое общество». «Как можно назвать сейчас эту систему, несовершенную, но постоянно улучшающуюся и стремящуюся улучшить еще больше, где люди вместе идут вперед, вместе работают, вместе строят, производят и делят плоды растущего производства?» — вопрошали французские социологи Ж. Фурастье и А. Лалеф в изданной в 1957 г. книге «Революция на Западе». Ответить попытался американский журнал «Зис уик». Однажды он провел открытый конкурс на новое название социально-экономического строя США и получил более 150 предложений. Чего только там не было! И «неока-

питализм», и «автоматизированное общество», и «общество всеобщего благоденствия», и «смешанная экономика», и «народный капитализм», и «кибернетическое общество», и даже «социалистический капитализм».

Но, несмотря на разногласицу, большинство буржуазных теоретиков сходилось на одном: капитализм-де уже не тот, произошла его «мутация» и теперь буржуазный строй «движется к своему концу массивно и незаметно, как ледник». Ну, а что же происходит по ходу этого «движения»? Но здесь-то между теоретиками «технологической трансформации» капитализма нет единства взглядов.

Одни из них полагают, что научно-технический прогресс, «трансформируя» капитализм, одновременно излечивает его от всех пороков. В частности, обеспечивая рост производительности труда при той же самой системе распределения, он способствует повышению доходов трудящихся масс, автоматически увеличивает их спрос и расширяет производство, ликвидирует тем самым безработицу и устраняет экономические кризисы. Другими словами, технический прогресс ведет к «оздоровлению» всей капиталистической системы, но, естественно, не затрагивает ее существа. Это апологетика капитализма с правых ПОЗИЦРЙЙ.

Другие адепты «трансформации», исходя из тех же самых посылок, приходят на первый взгляд к прямо противоположным выводам. Они утверждают, что научно-технический прогресс, в частности развитие автоматизации и кибернетизации производства,— верный путь к гибели. Капиталистическая система частной собственности, пораженная анархией и конкуренцией, не способна справиться с мощным напором достижений науки и техники, революционизирующих производство. Неизбежны гигантская безработица и разрушительные экономические кризисы. Спасение капитализма, провозглашают они, в руках государства, которое может и должно регулировать научно-технический прогресс. Во имя чего? Конечно же ради сохранения и бесконфликтной эволюции самой социально-экономической структуры. Так рассуждают либерально настроенные апологеты капитализма.

Эти разногласия в среде буржуазных теоретиков, несомненно, отражают противоречия, вызванные про-

грессом науки и техники в капиталистических странах. В то же время они свидетельствуют, что спор между ними — это спор о методах и средствах защиты капиталистического строя, но не о целях. А цели таковы: доказать, будто технический прогресс в конечном счете создает такую ситуацию, когда не требуется отказываться от существующей социально-экономической структуры общества и прибегать к революционным преобразованиям. Благодаря техническому прогрессу, утверждают проповедники этих иллюзий, можно «экономить» минимум одну, а то и несколько политических революций.

Об этом прямо пишет Ж. Фурастье в книге под довольно примечательным названием «Великая надежда XX века». Он утверждает, что технический прогресс всегда был тенденцией, «сопротивляющейся революциям». Разумеется, он имеет в виду социальные революции. Непрерывное возрастание роли науки и техники в жизни общества, полагает он, свело «на нет» определяющее значение таких факторов, как отношения собственности и режимы политической власти. Прогресс в области техники и технологии коренным образом преобразует, дескать, не только общество, но и сам характер исторического развития. Благодаря научно-техническому прогрессу, восторгаются последователи Ж. Фурастье, «история завершила за угол».

«Отцам» теории «индустриального общества» вторит Дж. Гэлбрейт: «Требования техники и организации, а не идеологические символы — вот что определяет экономическую форму общества». Для него, так же как и для Ж. Фурастье, Р. Арона или Ж. Эллюля, индустриальная техника — «повелитель» общественного прогресса. Все важнейшие современные изменения в социально-экономической структуре капитализма, считает Дж. Гэлбрейт, прямое и непосредственное проявление ее саморазвития. Движение техники и технологии создает якобы экономические отношения, порождает экономические законы и все нынешние особенности капитализма или «нового индустриального государства».

Д. Белл и американские футурологи идут по той же дороге, но несколько дальше. В частности, если «индустриалисты» возводят в абсолют технику и технологию.

то «постиндустриалисты» то же самое проделывают с научными знаниями. Например, Белл утверждает, что «постиндустриальное общество» основывается на «принципе научных знаний», на качественном изменении самого их характера. «В нем,— пишет он,— становится решающим новая централизация теоретических знаний... Подчинение экономическому росту приводит к необходимости планирования и предвидения, и именно теоретические знания стали колыбелью нововведений». Все это, утверждает далее Д. Белл, предполагает «новый и уникальный аспект социальной жизни: темпы экономического роста постиндустриального общества будут зависеть больше от «человеческого капитала», чем от денег».

Другая характерная черта «новой цивилизации», по Беллу,— господство «интеллектуальной технологии». Под ней он понимает такие разнообразные теории и методы, как линейное программирование, системный анализ, кибернетика, теория информации, теория решений, теория игр и создание искусственных социальных ситуаций. «Интеллектуальная технология» дает возможность, полагает Белл, моделировать «социальные ситуации» и широко использовать эти модели при решении важных социально-экономических и политических проблем.

3. Бжезинский также пытается представить изменения в социальной структуре общества как прямой и автоматический результат развития... электронной техники. Если «индустриальное общество» возникло в результате механизации труда, замены мускульной силы человека механизмами, считает он, то «технотронное общество» — следствие кибернетизации и автоматизации, вытеснения человека электронно-вычислительной техникой. ЭВМ — вот символ «новой цивилизации» Бжезинского. Если в «индустриальном обществе» господствующее положение занимает промышленность, вытеснившая сельское хозяйство, то в «технотронном» — сфера услуг. Соответственно, полагает Бжезинский, меняется и цель общественного развития. Теперь она состоит не в обеспечении занятости и удовлетворении минимальных потребностей, а в отмирании профессий, «благоденствии всех», «организации досуга и участия в прибылях».

Нельзя сказать, что эти рассуждения буржуазных идеологов об очередной «трансформации» капитализма «высосаны из пальца» и не имеют никакой связи с реальностью современного капиталистического общества. На какие же факты действительности опираются в своих теоретических построениях Дж. Гэлбрейт, Д. Белл, З. Бжезинский и их сторонники и последователи?

Прежде всего на развертывающуюся научно-техническую революцию. Революционные преобразования в науке и технике, накопление научных знаний приводят к качественным изменениям в развитии производительных сил, обуславливают своеобразный «взрыв» практически во всех сферах общественного воспроизводства. Возникает единая неразрывная система «наука — производство». Она знаменует собой начало глобальных и революционных изменений как в самой науке под воздействием новых потребностей производства, так и в производстве под влиянием научных идей. Тем самым воплощается в жизнь гениальное предвидение К. Маркса о том, что со временем наука станет величайшей производительной силой, а производственный процесс — сферой ее технологического применения.

Возрастающая роль науки в процессе производства, стремительное повышение его научно-технического уровня сегодня наблюдаются в экономике всех развитых капиталистических стран. Характерны они и для экономики США. Американская промышленность все больше развивается по пути комплексной механизации и автоматизации процессов. Широкое применение находит электронно-вычислительная техника как в сфере управления, так и непосредственно в производстве, резко возрастает численность ученых и инженерно-технических работников, занятых на предприятиях различных отраслей промышленности. Возникают крупные исследовательские центры — своеобразные «мозговые тресты», питающие производство новейшими техническими, технологическими и организационными идеями и т. д.

Вот некоторые факты. За последние 20 лет основной производственный капитал Соединенных Штатов почти удвоился: его стоимость возросла с 585 млрд. долл. в 1950 г. до 1100 млрд. долл. в 1970 г. Используемые

машины и оборудование стали более производительными и надежными в эксплуатации. По оценке американских экспертов, точность обработки и скорость станков сейчас в 5—10 раз выше, чем тридцать лет назад.

О повышении качества производственного аппарата промышленности США свидетельствует и быстрый рост количества станков с программным управлением. Если в 1959 г. их было выпущено лишь 200 штук, то десять лет спустя — свыше 3 тыс. Доля же станков с программным управлением в общей стоимости производства станков возросла за это десятилетие с 3,7 до 22%, и сейчас их общий парк приблизился к 20 тыс. штук.

Одновременно резко увеличились расходы на автоматизацию производства. Так, в начале 60-х годов они не превышали 7 млрд. долл. в год, т. е. составляли всего 18% общей суммы капиталовложений в промышленность. К концу десятилетия эти расходы удвоились, а их доля в капитальных вложениях возросла до 22%.

Ускоренными темпами увеличивается и количество ЭВМ. Они все шире используются в управлении хозяйственными комплексами и технологическими процессами. Этому способствует относительно быстрое удешевление и повышение мощности электронно-вычислительных машин. Сейчас мощность парка ЭВМ в США удваивается практически ежегодно.

Резко возросла роль научных исследований непосредственно в производстве. Наука фактически стала самостоятельной отраслью по «производству» открытий и изобретений. Например, в 1970 г. общий объем исследований и разработок новой техники и технологии в США равнялся 27,4 млрд. долл. по сравнению с 8,7 млрд. долл. в 1956 г. А это больше уровня годового производства каждой из таких отраслей американской промышленности, как электротехническое и электронное машиностроение, черная и цветная металлургия, химическая промышленность.

Главными центрами исследований и разработок стали университеты (они проводят более 50% общего объема фундаментальных исследований), научно-промышленные комплексы корпораций (сейчас их насчитывается 15 тыс. по сравнению с 5,4 тыс. в 1960г. и 290 в 1920 г.) и некоммерческие исследовательские институты. Их работа оказывает существенное влияние на

сферу производства. Достаточно сказать, что в США ежегодно на внутренний рынок поступает в среднем 39 тыс. принципиально новых товаров. И этот поток возрастает год от года. В 1960 г. новая продукция составляла 10% всех изделий обрабатывающей промышленности США. А к 1970 г. эта доля повысилась до 15%. Общая же стоимость новой продукции составила почти 100 млрд. долл. По оценкам американских экспертов, через десять лет 75% персонала промышленности США будет занято производством товаров, которых сегодня еще нет на рынках.

Непрерывное техническое обновление, совершенствование производственного аппарата, повышение роли научных исследований в производстве порождают соответствующие изменения в структуре занятости. Главным из них является возрастание численности и доли работников преимущественно нефизического труда. Например, за последние два десятилетия в США число лиц, занятых преимущественно физическим трудом, увеличилось на 4258 тыс. человек, а занятых преимущественно нефизическим трудом — на 14 744 тыс. В результате доля последних в общей численности работающих повысилась с 37,5 % до 47,3%. При этом число специалистов более чем удвоилось и сейчас превышает количество мастеров и квалифицированных рабочих.

Все это реальные факты, и они, разумеется, не могли не привлечь внимание буржуазных идеологов. В ряде специальных исследований они довольно верно подмечают новые взаимосвязи науки и производства, внимательно изучают особую, генерирующую роль научно-технических знаний в деятельности промышленной корпорации, их относительно автономную роль. Но когда дело доходит до выводов о социально-экономических последствиях этих процессов, об их воздействии на природу и характер общественных отношений, буржуазным теоретикам изменяет чувство объективности и научной добросовестности. Они оказываются в путах вульгарного «технологизма»: относительная самостоятельность науки, техники, технологии возводится ими в абсолют.

Что дает буржуазным теоретикам такая фетишизация техники и технологии? Прежде всего она позволяет им разорвать органическую, диалектическую связь

уровня развития производительных сил с общественно-экономической формой производства — характером производственных отношений. Более того. Они получают возможность рассматривать систему производственных отношений лишь как отблеск, пассивное отражение развития производительных сил, технического прогресса и в конце концов практически исключают ее из анализа сдвигов, происходящих в структуре современного капитализма.

Поступая подобным образом, буржуазные теоретики становятся на путь антинаучных мистификаций. Относительная самостоятельность производительных сил, автономность их в рамках прогресса науки и техники отнюдь не означают, что они могут развиваться независимо от характера производственных отношений. Наука, техника не создают экономических законов. Эти законы существуют объективно, а их механизм действия определяется формой собственности на средства производства и связанными с нею отношениями обмена, распределения и потребления, т. е. всей системой производственных отношений. С изменением этой системы меняется и механизм действия экономических законов, ухудшаются или, наоборот, улучшаются условия для дальнейшего прогресса науки, техники, производительных сил.

Ведь что такое производственная техника? Это совокупность машин, орудий, приспособлений, инструментов в соединении со средствами транспорта, энергией, или, как говорил К. Маркс, с сосудистой системой производства. Технология же — это методы, приемы применения орудий и средств труда в процессе изготовления материальных благ. Конечно, и техника, и технология, и научные знания имеют самое прямое отношение к экономике, к экономическому строю общества. Марксистско-ленинская теория не только не отрицает воздействия техники, технологии, естественных наук на экономические отношения общества, но и дает непревзойденные образцы анализа взаимосвязей всех этих моментов. Достаточно сказать, что около трети первого тома «Капитала» К. Маркс посвятил исследованию вопроса о применении машин и развитии крупной индустрии. Там он прямо указывал: «Технология вскрывает активное отношение человека к природе, не-

посредственный процесс производства его жизни, а вместе с тем и его общественных условий жизни»¹.

Порочность методологии буржуазных экономистов и социологов заключается в том, что они игнорируют производственные отношения капитализма, классовые антагонизмы при исследовании процессов, происходящих в современном буржуазном строе, упирают лишь на механизм воздействия научно-технического прогресса на экономику.

Фетишизируя технический прогресс, наделяя его способностью непосредственно изменять экономические отношения, идеологи современного капитализма стремятся «убить» по крайней мере трех зайцев. Во-первых, доказать, что если «первая промышленная революция» XVIII—XIX веков создала материально-техническую базу капитализма, то происходящая сейчас «вторая промышленная революция» способна-де вдохнуть новые силы в одряхлевшую капиталистическую систему, помочь ей освободиться от органических пороков. Одновременно они пытаются подкрепить свои декларации об «отсталости» социализма: раз, дескать, по уровню развития производительных сил социалистические страны отстают от наиболее развитых капиталистических стран, то социализм как общественный строй является менее эффективной формой прогресса.

Во-вторых, они стремятся доказать, что к «независимой технике и науке» вынуждены приспособляться две противоположные системы. Отсюда делается вывод о «неизбежности общности» их развития, подводится идейно-теоретическая база под «тезис» об адекватности законов развития социалистического и капиталистического строя, конечный результат которого — «эрозия» социализма и постепенное «поглощение» его капитализмом.

В-третьих, с помощью столь тенденциозных и антикоммунистических по своему содержанию «теоретических» доводов об определяющей и независимой от характера общественных отношений роли научно-технического прогресса в процессе исторического развития апологеты капитализма пытаются отрицать неизбежность социалистических революций. Они стремятся

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 333.

подорвать веру широких трудящихся масс в необходимость социалистических преобразований капиталистического мира. Буржуазные идеологи делают все, чтобы внушить им мысль, будто, как утверждает западногерманский экономист Э. Шивек, «мировая социалистическая революция будет преодолена технической революцией».

Принципиальная оценка рабочим классом капиталистических стран как социально-экономических последствий современной научно-технической революции, так и «теоретических» упражнений буржуазных идеологов выражена московским Совещанием коммунистических и рабочих партий 1969 г. В Документах Совещания указывается, что научно-техническая революция ускоряет процесс обобществления экономики. Но в условиях господства монополий это ведет к воспроизводству социальных антагонизмов в еще больших масштабах и с еще большей остротой. Не только обостряются все прежние противоречия капитализма, но и порождаются новые. Это прежде всего противоречия между необычайными возможностями, открываемыми научно-технической революцией, и препятствиями, которые капитализм выдвигает на пути их использования в интересах всего общества, обращая большую часть открытий науки и огромные материальные ресурсы на военные цели, расточая национальные богатства. Это — противоречие между общественным характером современного производства и государственно-монополистическим характером его регулирования. Это не только дальнейший рост противоречий между трудом и капиталом, но и еще большее углубление антагонизма между интересами подавляющего большинства нации и финансовой олигархии.

Вот эти-то реальные противоречия и пытаются скрыть авторы и проповедники концепций «нового индустриального государства», «постиндустриального общества», «технотронной эры». Псевдонаучной фразеологией и «технотронными» иллюзиями они стремятся замаскировать бесспорный факт: в условиях эксплуататорского общества научно-технический прогресс не может быть полным и гармоничным, а его результаты не становятся достоянием всех членов общества. Там, где средства производства находятся в частной собственно-

сти, а произведенный продукт принадлежит эксплуататорам, все попытки сконструировать бесконфликтную схему развития капиталистического общества — дело, обреченное на неизбежный провал.

Обратимся к заявлениям, которые делают буржуазные теоретики. Например, Д. Белл говорит о том, что новая социальная структура, которая создается в США, «должна быть оформлена политически». Но ведь давно уже доказано марксизмом-ленинизмом: процесс политического оформления новой социальной структуры составляет содержание социальной революции. Имеет ли это в виду Д. Белл? Конечно, нет. В его схеме нет места таким бы то ни было социальным взрывам, коллизиям, а тем более революциям.

Другой момент. Белл, а вместе с ним и Дж. Гэлбрейт утверждают, что управлять «новым обществом» будут интеллектуалы, люди науки. Причем особенно подчеркивается роль университетов — одного из трех, после правительства и корпораций, центров принятия решений. Что же, возможно, для американских университетов такая перспектива выглядит весьма заманчивой. Но с точки зрения правильного понимания соотношения науки и социальной структуры в классовом обществе подобные рассуждения беспочвенны. Наука никогда не была и не может быть социально автономной. Она не может подчинять себе социальную структуру, вести ее за собой. Все обстоит наоборот: интересы господствующего в обществе класса определяют цели, задачи, содержание науки, формируют ее классовую направленность.

Более того, использование монополиями достижений науки и техники в своих узкокорыстных интересах ограничивает возможности научно-технического прогресса, придает развитию науки и техники однобокий, уродливый характер. Прямо и косвенно деятельность научно-технической интеллигенции подпадает под контроль монополистического капитала, в распоряжении которого находятся материально-технические условия научных исследований и разработок. Усиливающееся же участие государства в развитии науки сопровождается ее невиданной милитаризацией, превращением ученого в винтик машины насилия и агрессии. Неудивительно, что по мере углубления этих процессов

возрастают и противоречия между государственно-монополистическим капитализмом и подлинно научной интеллигенцией.

Что касается утверждений приверженцев новой «трансформации» капитализма о том, будто капиталистическая экономика, и в частности американская, превращается в «экономику услуг» и тем самым становится новым типом хозяйства, меняющим сущность самого строя, то они также нереальны. Реальным фактом является лишь то, что занятость в сфере обслуживания и в других непроизводственных отраслях экономики США растет быстрее, чем в сфере материального производства. Например, за послевоенный период она более чем удвоилась и составляет свыше половины всего самодельного населения. По официальным оценкам, к 1975 г. в непроизводственных отраслях американской экономики будет занято 62% всех рабочих и служащих. Американский экономист В. Фьюкс четыре года назад с восторгом писал: «США ныне являются пионером новой стадии экономического развития. В послевоенный период они стали первой в мире страной экономики услуг, то есть первой нацией, в которой более половины работающего населения не занимается производством пищи, одежды, жилищ, автомобилей или других вещественных товаров».

Развитие непроизводственной сферы — явление само по себе прогрессивное. Еще К. Маркс указывал, что повышение производительности труда в крупной промышленности, достигнутое благодаря внедрению машин, дает возможность использовать в непроизводственной сфере все увеличивающуюся часть трудящегося населения. В связи с этим он сделал предположение о возможности такого резкого роста производительности труда, при котором в сфере материального производства будет занято меньше рабочей силы, чем вне ее¹.

Рост непроизводственной сферы происходит как в капиталистических, так и в социалистических странах. Однако здесь есть принципиальные различия. Непроизводственная сфера в социалистическом обществе развивается планомерно, в соответствии с его возможно-

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 28, ч. I, стр. 205—206, 215..

стями и потребностями трудящихся. В индустриальных же капиталистических странах, прежде всего в США, ее расширение приобретает чрезмерный, гипертрофированный характер.

Это вызвано обострением проблемы сбыта товаров и услуг в условиях относительно ограниченного платежеспособного спроса трудящихся масс, а также углублением паразитизма и загнивания самой системы. Последнее выражается в росте военно-полицейского и административного аппарата, появлении большого количества специфических предприятий обслуживания, занятых удовлетворением паразитических потребностей буржуазных слоев населения.

Все это, несомненно, способствует быстрому увеличению занятости в непроизводственных отраслях. Но означает ли их расширение некий социальный переворот? Буржуазные экономисты и социологи отвечают на этот вопрос утвердительно. Однако они совершенно игнорируют социальную и экономическую природу сферы услуг, которая является составной частью капиталистической экономики и развивается на основе объективных экономических законов. Конечно, непроизводственная сфера имеет свою специфику, например, большую по сравнению с материальным производством социальную пестроту, более низкий уровень обобществления.

Но эти различия постепенно уменьшаются: крупные промышленные корпорации внедряются в ряд непроизводственных отраслей (торговлю, обслуживание и др.), подчиняют их индустриальному бизнесу. В результате повышается степень обобществления непроизводственной сферы, а ее социальная структура все больше нивелируется. Эти процессы, естественно, подрывают умозрительные схемы буржуазных теоретиков, пытающихся распространять иллюзии о формировании «новой экономики» капитализма.

Заскорузлый антинаучный тезис «технология — независимая переменная, а социальная система — зависимая» тем и хорош для сеятелей «технотронных» иллюзий, что позволяет им оставить за бортом своих идейно-теоретических концепций главное и определяющее — способ производства, систему производственных отношений. На такой «основе» можно без конца плодить

экономические, социологические и прочие модели, которые, однако, ни на йоту не продвигают вперед дело подлинного научного познания.

Но такую цель вовсе не ставят перед собой современные апологеты капитализма. Их интересует лишь одно: создать побольше мифов о беспрепятственном прогрессе капитализма. Чем же иным они могут оправдать и защитить капиталистический строй, как не голословными и антинаучными утверждениями, будто прогресс науки и техники, объективно способствуя росту производительности труда, автоматически «трансформирует» капитализм в новое «общество» и обеспечивает тем самым его мнимую жизнеспособность и эффективность как социальной системы?!

3 Миф о «зрелой» корпорации

Один из таких мифов — это домыслы буржуазных теоретиков об изменении характера капиталистической корпорации — монополии. Корни этого изменения они видят все в том же техническом прогрессе. Под его, дескать, определяющим влиянием происходит «трансформация» корпорации в новый ее тип — «планирующую единицу», «зрелую» корпорацию.

В наиболее законченном виде эта идея содержится в книге Дж. Гэлбрейта «Новое индустриальное государство». Там он, в частности, пишет, что в 20-х и 30-х годах доминировала «предпринимательская» корпорация, которую контролировал алчный предприниматель, опирающийся «на финансовую силу, а не на административную и техническую компетентность». Ее богом был рынок, решающей силой — капитал, а стремление к «максимизации прибыли» исключало другие цели.

Ныне же положение будто бы коренным образом меняется: «предпринимательская корпорация идет к закату», а на смену ей пришла «зрелая» корпорация — результат технического прогресса. Она оперирует огромными капиталами, массой рабочей силы и товаров, широко использует сложнейшую вычислительную технику и новейшие методы управления производством и

рынком. Тем самым современная корпорация получает возможность заранее предвидеть размеры спроса, определять объемы предложения товаров и устанавливать на них цены. Мощь «зрелых» корпораций такова, что они полностью контролируют рынок. В результате на месте рыночной экономики возникает — де «плановая экономика», происходит «замена рынка планом».

Сегодня в США, считает Дж. Гэлбрейт, действуют 500—600 «зрелых» корпораций, производящих половину всех товаров и услуг в стране. Соединившись, опять-таки под влиянием требований современного технического прогресса, с государством, они планомерно развивают экономику в интересах «общественного блага». Сфера их господства и есть «та часть экономики, — заявляет Гэлбрейт, — которую мы автоматически отождествляем с современным индустриальным обществом».

Таков новый вариант апологетики монополистического капитализма и его экономической основы — монополии. Но идеи и аргументы Дж. Гэлбрейта и его последователей о «зрелой» корпорации вряд ли можно считать оригинальными, за исключением разве словечка «зрелая». Они результат эклектического соединения теорий «корпоративной революции» и «планового», или «регулируемого», капитализма. Правда, эта эклектика подается уже по-новому, под углом зрения современного технического прогресса.

Еще в начале 30-х годов известные американские экономисты Адольф Берли и Гардинер Минз в совместной книге «Современная корпорация и частная собственность» сформулировали основные положения теории «корпоративной революции». Позднее их сторонники и последователи модифицировали некоторые из них, но сохранили и усилили главную идею — господство корпорационной формы собственности и отделение собственности от контроля и управления ею.

Эта идея подкреплялась обширными и впечатляющими данными. Г. Минз, например, провел фундаментальное исследование удельного веса корпораций в экономике США. Он подсчитал, что в 1899 г. на предприятиях американских корпораций производилось 66,7% всей продукции обрабатывающей промышленности, а тридцать лет спустя — уже почти 94%. В 1929 г.,

указывал Г. Минз, 200 самых крупных корпораций концентрировали 22% национального богатства США. «Великая депрессия» 1929—1933 гг. усилила процессы централизации и способствовала фантастическому росту могущества монополий: доля 200 супергигантов в общей стоимости используемых средств производства увеличилась за этот период с 58% до 64,2%.

Подсчеты Г. Минза произвели на западных экономистов впечатление разорвавшейся бомбы. Он бросил, что называется, камень в стоячее болото буржуазной политической экономии: корпорация неожиданно превратилась в теоретическую сенсацию. Но одновременно возник целый ряд вопросов, на которые, хотели этого западные идеологи или нет, нужно было дать ответы. А вопросы оказались довольно-таки серьезными. Что такое современная корпорация? Какова ее природа? Кто они — владельцы сверхгигантов? Каково их социальное лицо? Что представляет собой общество, в котором существуют, развиваются и укрепляют свои позиции корпорации-монополии?

По мнению самих авторов теории «корпоративной революции», американская монополия перестала быть формой частного предприятия. Она превратилась в «институт», т. е. в обычай, ставший обязательным в силу общественной привычки и всеобщего признания. Обычай же этот возник, когда человек впервые отдал свою собственность в долг с условием ее последующего наращивания. И как только такая передача стала массовой и привычной, появилась, дескать, «собственность без собственника», или корпорация.

Движущая сила развития корпорации, утверждали авторы концепции «корпоративной революции», техника и технология. Именно под их влиянием возникли, как писал Г. Минз еще в середине 30-х годов, «большие концентрированные комплексы, которые заменили миллионы мелких предприятий». В конце 60-х годов Дж. Гэлбрейт следующим образом подтверждает эту мысль: «Почти все средства связи, почти все производство и распределение электроэнергии, значительная часть предприятий транспорта, обрабатывающей и добывающей промышленности, существенная часть розничных предприятий и немалое число увеселительных заведений находятся в руках крупных фирм. Число их

невелико; можно безошибочно утверждать, что подавляющая часть предприятий в указанных отраслях принадлежит пятистам или шестистам фирмам».

Буржуазные экономисты особенный упор делают на возрастание числа акционеров. Если в начале века 31 американская корпорация из числа самых крупных объединяла 226 тыс. акционеров, то в начале 60-х годов их численность возросла до 8,5 млн. человек. Это и есть, по мнению буржуазных теоретиков, «демократизация капитала», при которой держатель акции отделен от эффективного контроля за деятельностью корпорации. А к кому тогда перешли контроль и власть? В руки наемных управляющих — специалистов по организации современного производства. Тем самым корпорация приобретает якобы совершенно новую черту: она стала коллективным предприятием. Именно эту часть экономики Дж. Гэлбрейт называет «современным индустриальным обществом». «Понять ее функционирование, — пишет он, — значит понять такую область экономики, которая наиболее подвержена переменам и которая, соответственно, в наибольшей мере изменяет характер нашей жизни».

Можно ли на основании подобных рассуждений и аргументов составить верное представление о сущности современной корпорации, ее происхождении, роли и месте в современном капиталистическом обществе? Ответ может быть только отрицательным. Все дело в том, что, правильно подметив такие давно уже исследованные марксистами явления, как концентрация производства и централизация капитала в рамках все уменьшающегося количества компаний и отделение капитала-собственности от капитала-функции, современные буржуазные экономисты дают неверное толкование их природы, последствий и социально-экономической значимости.

Современная корпорация — это не только форма собственности ассоциированного капитала и не просто финансовая организация. Это вместе с тем крупный производственный механизм, вырастающий на основе высокой концентрации и централизации в руках немногих подавляющей части средств производства. Этот процесс обусловлен поглощением мелких производителей крупными капиталистическими хищниками, жесто-

кой эксплуатацией и ограблением народных масс финансовой олигархией.

По данным сектора конъюнктуры Института мировой экономики и международных отношений АН СССР, к началу 70-х годов крупнейшие корпорации обрабатывающей промышленности США (с активами свыше 250 млн, долл. у каждой) составляли всего 3% общего количества компаний. На их долю приходилось 66% всех активов, 55% реализованной продукции и свыше 69% чистой прибыли отрасли. Но это еще не вершина: по экономическому могуществу в первом ряду крупнейших корпораций идут «сверхгиганты», каждый из которых контролирует активы, превышающие 1 млрд. долл. Их число невелико — всего 0,9% общего количества корпораций обрабатывающей промышленности. Но их доля в активах отрасли достигает 46%, в объеме реализованной продукции — 35,5, чистой прибыли — 49%.

Разве могло раньше, в эпоху домонополистического капитализма, сложиться в экономике какой-либо страны подобное положение? Естественно, нет! Такое положение может возникнуть и оно возникает лишь при определенных условиях — грандиозных масштабах монополизации, когда производство ведущих отраслей экономики оказывается в руках трех-четырех крупнейших корпораций.

Уже отсюда ясно, что корпорация — это не «институт», не освященный временем «обычай», а логический результат развития капиталистического производства. Высокая степень его обобществления, которая достигается на определенном этапе развития капиталистических производительных сил, вызывает соответствующие изменения в производственных отношениях. Главное из них — подрыв господства и вытеснение индивидуальной частной собственности коллективной капиталистической собственностью, контролируемой финансовой олигархией.

Но честь открытия и научного обоснования этого явления принадлежит отнюдь не буржуазным экономистам, а К. Марксу, который глубоко проанализировал его на начальной стадии развития монополий. В частности, он отмечал: «В акционерном деле уже существует противоположность старой формы, в которой об-

ественные средства производства выступают как индивидуальная собственность»¹. Тогда же К. Маркс подчеркивал, что акционерное общество — это отрицание частной собственности в рамках капитализма, и прямо считал корпорацию самой совершенной формой капитала, подводящей к общественной собственности, но одновременно сохраняющей все противоречия капиталистического способа производства. Он говорил, что в акционерной форме капитал получает «непосредственно форму общественного капитала (капитала непосредственно ассоциированных индивидуумов) в противоположность частному капиталу, а его предприятия выступают как общественные предприятия в противоположность частным предприятиям»². А это означает, указывал далее К. Маркс, «упразднение капитала как частной собственности в рамках самого капиталистического способа производства»³.

В чем же тогда порок концепции «корпоративной революции» и ее нынешних интерпретаций, в которых современная корпорация представляется как основа «новой экономики»? Ведь и Г. Минз, и А. Берли, а позднее Дж. Гэлбрейт видят в ней коллективное предприятие, а ее развитие представляют как объективный процесс превращения частнокапиталистического предприятия в общественное. Порочность их методологии заключается именно в том, что они искажают и тщательно маскируют сущность корпорации и ее противоречие, а именно то, что это «коллективное предприятие» капиталистическое по своему характеру. Оно служит не интересам всех членов общества, а интересам ее хозяев — немногочисленной верхушки магнатов финансового капитала. Нарочитое замалчивание факта господства финансовой олигархии, стремление доказать, будто «зрелая» корпорация руководствуется «интересами общества», выдают с головой истинные цели буржуазных теоретиков.

Но их мало смущает это обстоятельство. Более того, чтобы подкрепить свои умозрительные схемы, современные апологеты монополистического капитала гальванизируют один из затасканных мифов буржуазной

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. I, стр. 483.

² Там же, стр. 479.

³ Там же.

пропаганды — миф о «плановом», или «регулируемом» капитализме. Но теперь он преподносится в новых, модернистских вариациях.

Дж. Гэлбрейт пишет, что «потребность крупных организаций и проблемы функционирования рынка в условиях передовой техники — все это предопределяем необходимость планирования». Техника и связанный с ней целевой характер использования капитала требуют: стабильных цен и гарантированного спроса. Эти условия для корпораций создаются усилиями государства. Тем самым оно, по Гэлбрейту, устраняет рыночный механизм и всю связанную с ним неопределенность. Планирование, утверждает он, становится наиболее надежным, и рыночный механизм полностью замещается в тех отраслях, где применяется наиболее сложная и передовая техника.

Сами по себе эти доводы заслуживают определенного внимания. Действительно, крупная индустрия требует планомерной организации: без нее невозможно существование и развитие современных гигантских промышленных комплексов. Не вызывает возражения и тезис Дж. Гэлбрейта о том, что высокий уровень современной техники, поддержание которого требует огромных и долгосрочных капиталовложений, ставит корпорации перед необходимостью планировать свою деятельность.

Но что здесь нового открыл Гэлбрейт? Еще в 1891 г. Ф. Энгельс писал: «Если мы от акционерных обществ переходим к трестам, которые подчиняют себе и монополизуют целые отрасли промышленности, то тут прекращается не только *частное производство*, но и *отсутствие планомерности*»¹. В. И. Ленин также указывал, что «нельзя по-прежнему толковать капитализм как отсутствие планомерности. Это уже устарело: если; есть тресты, то отсутствия планомерности уже нет»².

Высокая степень концентрации производства и капитала, интенсивный процесс обобществления производительных сил объективно вызывают потребность в планомерном регулировании производства. Вначале это регулирование осуществлялось в рамках отдельных

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 234.

² В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 31, стр. 355.

компаний, затем крупных концернов и, наконец, перешло в государственно-монополистическое регулирование целых отраслей экономики одной страны и даже группы стран, например, в масштабах «Общего рынка».

Цель и методы государственного экономического регулирования известны. С помощью таких мер, как поддержание стабильных цен на сырье, стимулирование экспорта, воздействие на условия банковского кредита, обеспечение частных корпораций статистической информацией, заключение с ними гарантированных и долгосрочных государственных контрактов на производство значительных партий продукции, правительство США, да и других капиталистических стран, стремится достичь сбалансированного развития национальной экономики, повысить темпы экономического роста и улучшить отраслевую структуру хозяйства.

Как же использует эти факты Гэлбрейт? Он пытается выдать технико-экономическую форму государственного регулирования и внутрифирменного планирования корпораций за их социальную сущность, стремится отождествить их с народнохозяйственным планированием при социализме. А это как раз и есть глубочайшая ошибка. Она проистекает из стремления буржуазных экономистов, в том числе и Дж. Гэлбрейта, представить корпорацию как инструмент общественного планирования. А последнее трактуется не иначе как исключительная функция технического прогресса, высокого уровня развития производительных сил.

Но такой подход к планированию ведет к отрыву его от производственных отношений, сводит его к технике. На самом же деле природа и характер планирования в решающей степени зависят от господствующей формы собственности, от типа производственных отношений.

Современное капиталистическое производство обобществлено в рамках корпораций монополистического типа. И это создает материальную основу для планомерной деятельности монополий. Но заменяет ли это внутрифирменное планирование механизм рынка? Конечно, нет! Замена стихии рынка планомерностью предполагает новый тип производственных отношений, возникающий в результате ликвидации частной собст-

венности на важнейшие средства производства. Естественно, пока в обществе господствуют отношения частной собственности, единственной и всеохватывающей формой экономической связи производителей были и остаются стихийно-рыночные отношения. Поэтому попытки буржуазных идеологов доказать, будто возникающая в условиях господства корпораций тенденция к планомерности означает победу планирования над рынком и соответствующую «трансформацию» капитализма в «новую экономику», не более чем иллюзия, в которой в искаженном виде отражаются объективные факты действительности.

Да, тенденция к планомерности в рамках корпораций может сосуществовать с анархией капиталистического производства. И она сосуществует, но не более. Капитализм не в силах превратить эту тенденцию в закономерность, как бы ни пытались доказать обратное буржуазные теоретики. Капиталистическое товарное производство, стихия рынка хотя и подорваны господством монополий, но по-прежнему царят и правят в обществе наживы.

Очевидно, попытки отождествить частнохозяйственное и народнохозяйственное планирование более чем сомнительны. Планирование в рамках корпорации и планирование социалистической экономики различаются принципиально как по своей природе и характеру, так и по конечным целям.

Капиталистические корпорации, планируя деятельность входящих в их сферу предприятий, руководствуются частными интересами — интересами погони за максимально высокой прибылью. Естественно, возникающая между «планирующими» корпорациями конкуренция ограничивает частнохозяйственное планирование рамками пусть даже и гигантских, но отдельных производственных комплексов. Тем самым оно приобретает узкоцелевую направленность — создать необходимые условия внутри корпорации, которые обеспечили бы ей успех в погоне за максимальной прибылью. Отсюда уже ясно, что функции аппарата планирования корпораций коренным образом отличаются от функций аппарата социалистического планирования, главная цель которого — достижение планомерного и пропорционального развития всего народного хозяйства, повы-

шение эффективности общественного производства в интересах неуклонного повышения благосостояния народа.

Дж. Гэлбрейт не может не сознавать, что частнохозяйственное планирование не в состоянии охватить все народное хозяйство или даже «индустриальную систему». И раз это так, то «повисает» одна из его центральных идей — идея «замены рынка планом». Чтобы не допустить этого, он усиливает корпоративное планирование государственным. Вслед за Дж. Кейнсом Гэлбрейт считает, что в современной капиталистической экономике действует тенденция к чрезмерным сбережениям. Это ограничивает платежеспособный спрос, уменьшает размеры капиталовложений и тем самым отрицательно влияет на производство. Кто может преодолеть такую тенденцию? Корпорация? Нет. Только государство с помощью «добавочного планирования», превращающего сбережения в инвестиции. «Государство,— пишет Гэлбрейт,— регулирует совокупный спрос на продукты индустриальной системы, что является неотъемлемым условием ее планирования».

Таковы главные контуры «нового индустриального государства» — продукта соединения «индустриальной системы», состоящей из крупных корпораций — монополий, и капиталистического государства, осуществляющего широкое вмешательство в экономическую жизнь, но главным образом вне той сферы, где действуют монополии. Какие отношения складываются между этими двумя силами? «Отношения сотрудничества независимых сторон», — отвечает Гэлбрейт. «Индустриальная система,— пишет он,— действительно неразрывно связана с государством. Развитая корпорация в важнейших отношениях является орудием государства. А в важнейших делах государство выступает как орудие индустриальной системы». Это утверждение Гэлбрейта — явная попытка отрицать классовую сущность капиталистического государства, доказать, будто оно не зависит от монополистической буржуазии и не служит ее интересам. На самом же деле экономическая политика современного государственно-монополистического капитализма отражает коренные интересы и цели крупнейших монополий. Ее классовая направленность в конечном итоге сводится к тому, чтобы оздоровить

частное предпринимательство за счет казны, а точнее, налогоплательщиков — трудящихся масс.

Однако соединение силы государства и монополий в единый механизм есть, по существу, «перерастание капитализма в высшую планомерную форму его»¹. Но ни развитие этого механизма, ни расширение сферы и совершенствование методов регулирования отнюдь не делают капиталистический строй или, как говорят современные буржуазные теоретики, «новую экономику» чем-то вроде «социализированного капитализма». По этому поводу В. И. Ленин писал: «...самой распространенной ошибкой является буржуазно-реформистское утверждение, будто монополистический или государственно-монополистический капитализм *уже не* есть капитализм, уже может быть назван «государственным социализмом» и тому подобное. Полной планомерности, конечно, тресты не давали, не дают до сих пор и не могут дать. Но поскольку они дают планомерность, поскольку магнаты капитала наперед учитывают размеры производства в национальном или даже интернациональном масштабе, поскольку они его планомерно регулируют, мы остаемся все же при *капитализме*, хотя и в новой его стадии, но несомненно при капитализме»².

Этим строкам более полувека, но они нисколько не потеряли своей актуальности. В них содержится четкий ориентир, позволяющий выяснить суть социально-экономических последствий развития корпоративного и государственного планирования, сращивания монополий и государства. Сами по себе эти процессы не есть выражение «требований, диктуемых технологией», а являются прямым результатом потребностей монополистического капитала на определенной ступени его развития. Обращение монополий за помощью к государству, использование ими механизма государственного регулирования экономики преследуют одну цель — спасти капиталистическую систему в условиях ее общего кризиса, закрепить и усилить господство финансовой олигархии. И любые попытки буржуазных идеологов механически слить государственно-монополистическое планирование с социалистическим, дока-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 444.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 68.

зять, что «обе системы переросли рынок» и имеют-де «одинаковые формы планирования», несостоятельны и обречены на провал.

Чтобы объективная тенденция превращения корпорации в подлинно общественную производственно-хозяйственную организацию действительно пробила себе дорогу, необходимо прежде всего уничтожить господство финансовой олигархии. Именно всевластие магнатов финансового капитала, их своекорыстные интересы определяют физиономию современной корпорации, ее мотивы и движущие силы развития.

4 «Техноструктура»: вымысел и правда

Чтобы подкрепить тезис «трансформации» капиталистической корпорации в новый ее тип, современные буржуазные теоретики широко используют ряд утверждений представителей «технократического» направления буржуазной политической экономии и социологии. Но наибольшим вниманием среди них пользуется тезис о происходящем якобы переходе контроля и власти в корпорации в руки наемных управляющих.

И надо сказать, что авторы и проповедники теорий «нового индустриального государства», «постиндустриального» и «технотронного общества» не просто восприняли это положение, а значительно его усовершенствовали. В частности, они расширили круг «контролирующих» современную корпорацию наемных служащих. Если в концепциях их идейных предшественников власть «технократов» более или менее мирно уживалась с господством финансовых олигархов, то Дж. Гэлбрейт, Д. Белл и З. Бжезинский разорвали этот «брачный союз», объявив о начале «абсолютной монархии» технократов.

Например, физиономию «нового индустриального государства» Дж. Гэлбрейт определяет как «союз знаний и квалификации», или «техноструктуру». Гэлбрейт очерчивает относительно широкий круг лиц, образующих эту «организацию». По его мнению, «техноструктура» охватывает всех, кто обладает специальными зна-

ниями, способностями или опытом группового принятия решений. Это не менеджмент, а руководящий интеллект — мозг предприятия. Именно к «техноструктуре», в состав которой включается весь инженерный и административно-управленческий персонал корпорации, специалисты-служащие всех рангов, перешла, дескать, власть в корпорации. «В зрелых корпорациях, — пишет Дж. Гэлбрейт, — капиталисты просто отстранены от власти».

Д. Белл идет дальше. Он полагает, что «основными учреждениями нового общества... станут интеллектуальные институты». Это значит, что в «постиндустриальном обществе» не бизнесмены, а ученые и инженеры составят «ключевую группу».

Что касается З. Бжезинского, то он выдвигает на первые места «электронно-кибернетическую элиту». Уже сегодня, утверждает этот махровый антикоммунист, она настолько могущественна, что подрывает господство финансовых магнатов-плутократов и превращает капиталистическое общество в общество «меритократической демократии».

«Технократы» Веблена, «менеджеры» Бернхейма, «техноструктура» Гэлбрейта, «интеллектуалы» Белла, «меритократы» Бжезинского... И это не просто эволюция терминов, а своеобразная эволюция мышления. Если полвека назад мелкобуржуазный либерал Веблен лишь робко предлагал лишить алчных дельцов и финансистов экономической и политической власти и прослыл за это «критиком» монополий, то сегодня один из крупнейших и беспардонных вдохновителей и идеологов пропагандистской машины империализма Бжезинский безапелляционно заявляет о «подрыве» господства финансовой олигархии и «переходе» экономической и, следовательно, политической власти в руки людей, опирающихся не на капитал, а на собственные знания, людей, контролирующих пульс современной научно-технической революции.

Эта эволюция лишь на первый взгляд кажется непонятной. В действительности все обстоит гораздо проще. Победа Великого Октября в нашей стране и социалистических революций в ряде стран Европы, Азии и Латинской Америки, развитие большой группы молодых государств по пути социалистической ориентации, воз-

никновение и углубление общего кризиса капитализма, нарастание классовой борьбы в мире капитала — все это заставило задуматься «просвещенных» капиталистов XX века. Ныне они превосходно понимают: чтобы сохранить реальную власть, лучше всего отрицать сам факт обладания ею, уйти на второй, на третий план, а в роли «носителя» этой власти выдвинуть тех, кто непосредственно не связан с ее основой — собственностью на средства производства, экономическим могуществом, но находится под безусловным контролем сильных мира сего.

Спрос, как говорится, рождает предложение. Господствующему классу потребовались «теории», обосновывающие его мимикрию. И они появились. Самые разнообразные как по происхождению, так и по оформлению, но единые по содержанию. Цель их одна: доказать переход власти от магнатов финансового капитала к профессиональным управляющим, к «техноструктуре», возвращенной современной научно-технической революцией.

И как ни странно, аргументация этого мифа опирается на вполне реальные процессы, происходящие в недрах капиталистического строя. Какие же это процессы?

Во-первых, растущее отделение капитала-собственности от капитала-функции. Это выражается, в частности, в таком характерном для современного капитализма явлении, как широкое распыление акций — знаков собственности на капитал. По данным официальной статистики, в конце 60-х годов в США обращались акции примерно 6 тыс. корпораций общей стоимостью более 650 млрд. долл., а с учетом стоимости не обращающихся на бирже акций «семейных» фирм — 750 млрд. долл. Этими акциями владели 28 млн. человек. Четыре же десятилетия назад акционеров насчитывалось всего 5—6 млн. человек.

Во-вторых, быстрый рост численности административных, научных и инженерно-технических работников, занятых в сфере производства, в том числе и в аппарате управления корпораций. Так, расчеты показывают, что к началу XX века в США на каждые 100 человек производственных рабочих приходилось 10 администраторов, а к середине 60-х годов уже 39, т. е. почти

в четыре раза больше. За последние 20 лет, свидетельствует министерство труда США, численность занятых в экономике страны (без сельского хозяйства) увеличилась на 28,7%, а занятых административной деятельностью — на 69,3%. Инженерно-технических работников стало больше на 160,6%, конторских служащих — на 70,8, работников системы сбыта — на 32,4 и руководящих администраторов — на 29,3%. В итоге в американской экономике сложилось положение, когда из 74,4 млн. рабочих и служащих, занятых в несельскохозяйственных отраслях, 34,2 млн. человек, или 46%, — административный персонал.

О чем говорят эти процессы? Отделение капитала-собственности от капитала-функции — логический результат развития капитализма, который начал свое существование с отделения производителя от средств производства и его превращения в наемного рабочего. Но теперь речь идет о собственнике капитала. Он отделяется от средств производства в том смысле, что не выполняет больше производственных функций, а превращается в собственника акций, дающих ему право на владение средствами производства и возможность так же, как и прежде, эксплуатировать рабочую силу, получать, не затрачивая ни йоты своего труда, доходы и паразитировать за счет этого. И современная корпорация создает ему для этого самые благоприятные условия.

«Капитализму, — писал В. И. Ленин, — вообще свойственно отделение собственности на капитал от приложения капитала к производству... Империализм или господство финансового капитала есть та высшая ступень капитализма, когда это отделение достигает громадных размеров»¹.

Господство финансового капитала основывается как раз на этом отделении: индивидуальные капиталы массы акционеров все больше концентрируются в руках уменьшающегося числа банковских и промышленных монополий, контроль над которыми осуществляет узкая группа финансовых магнатов. Американский профессор М. Риган свидетельствует: в США на долю 2% всех держателей акций приходится 80% совокупного акционерного капитала. Остальная же его часть распы-

¹ В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 27, стр. 356—357.

лена между «народными капиталистами», которые составляют 98% всех акционеров. Именно в силу своей распыленности и небольших размеров принадлежащих им акций мелкие акционеры не в состоянии контролировать применение их капиталов и, следовательно, не могут активно и эффективно влиять на политику и деятельность корпораций, в которые вложили свои капиталы. Это прерогатива крупных акционеров.

Буржуазные экономисты доказывают обратное. Они утверждают, что все акционеры, во-первых, равны между собой относительно права воздействовать на деятельность своей корпорации и, во-вторых, равны потому, что передали это право «независимой технотресту». Так ли это?

Факты свидетельствуют, что это далеко не так. 0 каком «равенстве» между акционерами может идти речь, если $\frac{2}{3}$ «народных капиталистов», каждый из которых владеет акциями на сумму до 5 тыс. долл., имеют столько же, сколько три «королевских» семейства — Меллоны, Дюпоны, Рокфеллеры? Всего же, как подсчитал известный советский исследователь структуры частной собственности в США И. Беглов, 108,3 млрд. долл., или $\frac{1}{7}$ часть акционерного капитала США, принадлежит 61 тыс. семей, владеющих акциями на сумму 1 млн. долл. и выше. Эти «сверхбогатые» семьи составляют 0,1% всего населения США. Но концентрация собственности еще не кончается: половина, или 53 млрд. долл., совокупного акционерного пакета «сверхбогачей» принадлежит всего лишь 205 семьям. Акционерный капитал каждой из них превышает 100 млн. долл.

Разумеется, кто имеет большую долю в «деле», тот располагает и большими правами и возможностями. Это положение сегодня так же верно, как и сто лет назад. И оно напрочь опрокидывает миф, будто «диффузия» собственности и «демократизация» капитала подорвали экономическое могущество финансовых магнатов, ослабили их контроль и эффективную власть в «зрелой» корпорации. Если что и изменилось, то лишь одно: для сверхбогачей облегчились условия по осуществлению контроля над гигантскими промышленно-банковскими комплексами. Вот факты.

Чтобы контролировать современную корпорацию, не обязательно владеть 51 % суммы ее акционерного капи-

тала. Например, одному из американских мультимиллионеров Ричарду Меллону принадлежит всего 2,98% акций известной корпорации «АЛКОА». Но этого вполне достаточно для полного контроля над нею. Меллон — фактический хозяин и одной из крупнейших нефтяных монополий «Галф ойл», хотя имеет лишь 1,78% всех ее акций. Ему принадлежит также 0,08% акций супергиганта капиталистического мира — автомобилестроительной корпорации «Дженерал моторе». Но столь относительно небольшой пакет дает Меллону возможность быть в этой самой прибыльной корпорации вторым по значению акционером и входить в состав ее руководящего центра — директората.

Пример Меллона свидетельствует о том, что крупнейшие собственники не отстранились ни от контроля, ни от управления современными корпорациями. И таких примеров множество. Вот как выглядит участие крупных акционеров в управлении корпорациями: 2941 представитель 1801 семьи, размер состояния которой превышает 10 млн. долл., занимает в 3000 крупнейших корпорациях 1616 главных административных постов (председатель совета директоров или президент корпорации), 6875 директорских постов и 1928 других административных постов (вице-президент, председатель административной комиссии и т. п.). Причем на каждую семью, владеющую состоянием свыше 100 млн. долл., в среднем приходится 7 директорских постов.

Итак, все становится на свои места. Современная финансовая plutократия сама опровергает тезисы буржуазных идеологов о том, будто она превратилась в «пассивных получателей дивидендов» и отстранена от контроля над корпорацией.

Кстати, что значит «отстранить от контроля»? В финансовом мире Запада под этим понимается возможность лишить того или иного магната права смещать или назначать административных чинов корпорации. Попробуйте лишить такой власти, например, братьев Рейнольде, которые владеют всего лишь 17% акций одной из крупнейших американских промышленных корпораций «Рейнольде металз». Чтобы свалить их, т. е. приобрести хотя бы 20% акций, скупив их у мелких держателей, нужен капитал по меньшей мере в полмиллиарда долларов. Но это лишь минимум. Ведь как

только Рейнольдсы почувствуют, что к ним «подбираются», они без труда мобилизуют, скажем, у банков нужный капитал, скупают больше акций и тем самым увеличат свой контрольный пакет.

Было бы наивно думать, что буржуазные экономисты и социологи не знают всех этих, да и других подобных фактов. Конечно, знают. Но у них есть конкретный «социальный заказ» — замаскировать всевластие магнатов финансового капитала.

Делается это довольно просто: если крупный собственник, рассуждают проповедники современных вариаций теории «революции управляющих», выполняет функции менеджера, то ему уже присуща психология не столько собственника, сколько «профессионального управляющего». Он, дескать, свободен от разлагающего воздействия «мотива прибыли», а в центре его внимания находятся «общественные интересы». Один из американских «теоретиков» Поль Харбрехт рассуждает на этот счет так: «Даже те администраторы, которые владеют значительным количеством акций своих корпораций, считают себя управляющими, а не собственниками».

Вот так! Достаточно современному финансовому магнату, скажем одному из братьев Рокфеллеров, или Р. Меллону, либо Г. Форду, посчитать себя «профессиональным управляющим», как он тут же перестает быть капиталистом, эксплуататором и не без помощи услужливых «теоретиков» превращается в «наемного служащего».

Но спрашивается: на каком основании эти владельцы гигантских состояний оказались высшими руководителями корпораций? Может быть, они обладают столь феноменальными способностями, что без них нельзя обойтись? Отнюдь нет. По данным, относящимся ко второй половине 60-х годов (1965—1967 гг.), в 266 корпорациях, входящих в группу 500 крупнейших промышленных гигантов США, их основатели, наследники основателей и другие крупные собственники занимали в общей сложности 339 ключевых административных постов.

Таковы факты. Но апологеты теории «революции управляющих» игнорируют их. Они утверждают, что для «американского делового мира» обычны случаи, когда

внук бывшего собственника предприятия, несмотря на то, что он владеет большим капиталом и крупным пакетом акций, все же должен (если он желает сделать карьеру) искать работу, подобно всякому другому человеку, опираясь скорее на свои способности, чем на свой пакет акций... Его относительная бедность или относительное богатство не имеют никакого отношения к возможностям его карьеры».

Это писал А. Берли в конце 50-х годов. Но десятилетие спустя примерно треть всех председателей и президентов крупных американских корпораций стали такими лишь по праву собственников капитала. Всего же в пределах первой тысячи крупнейших корпораций около 900 председательских и президентских постов занимают представители семей, владеющих акциями на сумму свыше 10 млн. долл. Все они получили эти посты по праву собственников капитала.

При чем здесь «конкуренция талантов»? Все решает капитал, контрольный пакет акций. Властвует тот, кто владеет им.

Утверждения, будто сегодня финансовые магнаты лишены контроля над собственностью и их власть в управлении ограничена «техноструктурой», настолько не соответствуют действительности, что на это вынуждены обратить внимание некоторые буржуазные экономисты и даже такие органы монополистической печати, которые трудно заподозрить в желании оспорить апологетический тезис об исчезновении власти собственников.

Летом 1967 г., примерно тогда же, когда читатели впервые познакомились с идеями Дж. Гэлбрейта, Д. Белла и З. Бжезинского, журнал «Форчун» опубликовал примечательную статью «Собственники в мире большого бизнеса». Журнал недвусмысленно высмеял позицию тех, кто отстаивает тезис об исчезновении власти собственников. «Часто утверждают,— говорилось в статье,— что все крупные корпорации США находятся в собственности всех и никого и управляются вежливыми и обходительными организаторами. Индивидуальный предприниматель или семейство, которое держит в руках контроль и активно управляет делами крупной компании, считается редким исключением, а иногда и анахронизмом. Но внимательное изучение 500 крупней-

ших промышленных корпораций не подтверждает такого поспешного обобщения».

150 корпораций из 500 крупнейших, свидетельствует «Форчун», полностью находятся в руках отдельных собственников либо семейств, владеющих контрольными пакетами акций. Причем в состав этих 150 корпораций авторы статьи включили лишь те, в которых контрольный пакет составляет 10% и более «голосующих» акций. А ведь пример Меллона свидетельствует, что для контроля достаточно и меньшего пакета акций. Именно это обстоятельство позволило известному буржуазному исследователю правящей элиты США Ф. Ландбергу утверждать: «В остальных 350 крупнейших промышленных корпорациях контроль также находится в руках небольшого числа собственников в пять — семь семейств или в руках отдельных лиц, связанных с финансовой группой».

А что такое система контроля финансовой группы? Образно говоря, это гигантский спрут, опутавший щупальцами финансовых обязательств, «участия» и «взаимной ответственности» огромные промышленно-банковские конгломераты. По данным, например, газеты «Нью-Йорк тайме», 17 директоров пяти крупнейших банков являются директорами 34 ведущих корпораций, в том числе 21 промышленной. В руках этих банков сосредоточены доверенности акционеров на представительство их интересов в корпорациях. Тем самым они выступают как крупнейшие держатели акций и могут оказывать решающее влияние на всю деятельность «зрелых» корпораций, олицетворяющих, как утверждают буржуазные идеологи, «новую экономическую систему» современного капитализма.

Как же персонифицируется этот контроль? Один из известных американских исследователей У. Домгофф в изданной в 1967 г. книге «Кто правит Америкой» писал: «Наши исследования, касающиеся директоров всех корпораций, показывают, что национальной экономикой заправляет одна и та же группа в несколько тысяч человек». Другие американские исследователи включают в эту группу от 3,5 до 5 тыс. крупнейших собственников и слившихся с ними высших менеджеров. Именно они контролируют гигантские промышленные комплексы, а вместе с ними и всю экономику страны.

«И не было ни одного случая,— заявляет тот же Ландберг,— когда можно было бы доказать, что собственность отделена от контроля, тогда как установлено, что во многих случаях она отделена от управления». Утверждения, будто собственность отделена не только от управления, но и от контроля, не что иное, пишет Ф. Ландберг, как попытка «одурачить доверчивую публику идеей, будто бы собственники потеряли власть и что на наших глазах развивается нечто похожее на социализм».

5 Под фальшивой маской

Одним из основополагающих тезисов буржуазных экономистов и социологов является утверждение, будто «зрелая» корпорация, а следовательно, вся капиталистическая экономика (ведь «зрелая» корпорация — ее основа), контролируемая «техноструктурой», развивается в целях удовлетворения потребностей общества. Доказать это чрезвычайно трудно, однако адвокаты монополий не складывают оружия. И вот как это делается.

Дж. Гэлбрейт, например, утверждает: «Стремление к получению максимальной прибыли несовместимо с поведением техноструктуры в зрелой корпорации». Почему? Дело в том, что, как он считает, цели и интересы «техноструктуры» резко отличаются от целей и интересов предпринимателей. Прежде всего, она порождение научно-технического прогресса, «индустриальной системы», которая обладает, дескать, собственными закономерностями и целями. Эти закономерности отражают объективный характер современного производства. Следовательно, цели «техноструктуры» должны совпадать и совпадают с интересами общества. Поэтому деятельность «техноструктуры» определяется заботой о техническом прогрессе и экономическом росте. Следовательно, у «техноструктуры» появились новые цели, новые мотивы деятельности, заменившие стремление к личному обогащению, к получению максимальной прибыли. Какие это цели? «Интересы общественного блага,— отвечает Дж. Гэлбрейт,— общественного благосо-

стояния». И далее он пишет: «Поскольку все согласны с тем, что экономический рост является задачей общества, цель технoструктуры получает твердое общественное признание».

Получается, что капиталистические «зрелые» корпорации, в совокупности составляющие основу «индустриальной системы», руководствуются будто бы теми целями, которые ставит перед ними «технoструктура» в соответствии с интересами всего общества. А какой отсюда следует вывод? Научно-техническая революция автоматически ликвидировала, дескать, господство монополистического капитала и установила власть некапиталистической научно-технической интеллигенции, которая коллективно управляет «зрелыми» корпорациями, «индустриальной системой» и обществом в целом. Нет вам ни социального переворота, ни диктатуры пролетариата, ни социалистических преобразований. Устранив предпринимателей от управления производством, «отобрав» у них контроль над корпорацией, «технoструктура» так «модернизировала» частную собственность, что превратила ее в общественную. А ведь известно, что общественная собственность в самом точном смысле слова социалистическая собственность. Ну чем эти теоретики не иллюзионисты?!

Следует отметить, что эта концепция проповедуется в основном экономистами-либералами, но напрочь отбрасывается так называемыми ортодоксами — представителями правого крыла современной буржуазной политэкономии. Последние видят в ней прямую угрозу основе «свободного мира» — частному предпринимательству. Такое столкновение взглядов вряд ли можно признать принципиальным: цель и либералов, и консерваторов одна — защита капиталистической корпорации. Но их исходные позиции разные. Если первые учитывают объективные тенденции процесса обобществления производства и вызываемые этим изменения в формах капиталистической собственности, которые они тонко пытаются выдать за радикальные изменения в характере и целях корпораций, то вторые в своей апологетике стойко стоят на позициях вечности и неизменности «истинных» ценностей частной собственности. Один из лидеров откровенных апологетов монополий профессор Милтон Фридман считает, что «немногие

тенденции могут столь сильно подорвать основы нашего свободного общества так, как идея иной ответственности руководителей корпорации перед обществом, чем ответственность перед акционерами добиваться возможно большей прибыли».

Зачем буржуазным либералам понадобилось с серьезным видом муссировать столь несерьезные идеи? Объяснения напрашиваются сами собой, если учесть, что прибыль — цель капиталистического производства. Стремление к этой цели неизбежно влечет за собой обострение борьбы между корпорациями, монополиями и аутсайдерами, вызывает углубление противоречий между трудом и капиталом. Но «технотронные» иллюзионисты пытаются представить современное капиталистическое общество не как общество антагонистов, а как нечто совершенно другое. Если сохранить монопольную прибыль как цель «зрелой» корпорации, то лелеемой картины не получится.

Поэтому Дж. Гэлбрейт и его сторонники — либеральные буржуазные теоретики вынуждены, хотя и сквозь зубы, признать, что достигнутый при капитализме уровень обобществления производства и труда противоречит капиталистическим формам присвоения. Гэлбрейт прямо заявляет об опасностях, которые несут корпоративному предприятию те, кто попытается превратить его в инструмент личного обогащения. Такие попытки, иначе говоря, стремление сохранить монопольную прибыль в качестве цели производства при современном уровне развития производительных сил и накале социальных противоречий грозит, по мнению Гэлбрейта, «разрушением» самой корпорации и, следовательно, «индустриальной системы».

Вывод весьма симптоматичен. Он в известной мере свидетельствует о признании либеральными защитниками капитализма правильности ленинского положения, согласно которому господство монополий уже есть та ступень развития капиталистических производственных отношений, когда на повестку дня ставится вопрос об уничтожении частной собственности, ликвидации самой капиталистической формы производства.

Именно такого поворота боятся современные буржуазные идеологи. И чтобы как-то избежать его, скрыть от народных масс объективную неизбежность развития

этой революционной тенденции, они и выдвинули тезис об эволюционном и автоматическом исчезновении «максимизированной прибыли» как цели «зрелой» корпорации.

Но бессмысленность этого тезиса заключается как раз в том, что «зрелая» корпорация не превращается в организацию, основанную на общественной форме собственности. Она — акционерная компания, организация групповой собственности капиталистов. И хотя в ней капиталист в определенной степени выходит из непосредственного процесса производства, хотя «социальная функция капиталиста перешла здесь в руки служащих»¹, тем не менее средства производства остаются под безусловным контролем их собственников — группы финансистов.

Меняет ли что-либо в системе капиталистических отношений переход собственности на средства производства от индивидуального предпринимателя к группе их? Нет, не меняет. Все остается по-прежнему, за исключением того, что противоречие между общественным характером производства и капиталистическим присвоением его результатов выступает в новой форме. Ведь, как указывал В. И. Ленин, «коллективный капиталист» — акционерное общество — все тот же капиталист². Каков бы ни был коллектив капиталистов, образовавших акционерную компанию, средства производства не принадлежат всему обществу, а остаются частной собственностью. И так как «зрелая» корпорация Дж. Гэлбрейта основана именно на частной, а не на общественной собственности на средства производства, ее главный мотив, цель остается прежней: капиталистическое присвоение прибылей, причем прибылей монопольных, обеспечивающих ее позиции в конкурентной борьбе и частные интересы акционеров, прежде всего крупнейших из них.

Отрицать это невозможно. Поэтому буржуазные теоретики прибегают к различного рода мистификациям. Чем же, как не мистификаторскими наклонностями, можно объяснить тот факт, что они избегают даже намека на важнейшую особенность капитала — его объек-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 298.

² См. В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 27, стр. 330.

тивное стремление к самовозрастанию. А ведь это коренной вопрос. «...Капитал и самовозрастание его стоимости,— писал К. Маркс,— является исходным и конечным пунктом, мотивом и целью производства; производство есть только производство для *капитала*, а не наоборот: средства производства не являются просто средствами для постоянно расширяющегося процесса жизни *общества* производителей»¹.

Самым же превосходным механизмом для самовозрастания стоимости капитала является сейчас как раз корпорация. Достаточно сказать, что благодаря в значительной мере именно акционерной форме функционирования капитала за послевоенное двадцатилетие выплата дивидендов, например, в США возросла в 7 раз, а численность мультимиллионеров увеличилась более чем в 6 раз.

Был бы достигнут такой скачок, если бы «техноструктура» сдерживала погоню «зрелой» корпорации за «максимизированными» прибылями? Вряд ли. Скорее сама «техноструктура» оказалась бы выброшенной за борг и осталась бы не у дел, как не справившаяся с работой, т. е. как не обеспечившая главное условие существования капитала — его самовозрастание на основе усиления эксплуатации наемной рабочей силы и достижения монопольных прибылей.

Так нет же! Апологеты «техноструктуры» все ставят с ног на голову. Дж. Гэлбрейт, например, утверждает, что «даже небольшое количество акций у высшей администрации не является более правилом». Как члены «техноструктуры», высшие менеджеры заинтересованы, дескать, в том, чтобы их доходы увеличивались по мере экономического и технического роста корпорации, а не по мере повышения уровня дивидендов. Таким путем Гэлбрейт и его последователи пытаются замаскировать связь личного обогащения представителей «техноструктуры» с корыстными интересами акционеров.

Но факты опровергают подобные ухищрения. Они убедительно свидетельствуют не только о прямой зависимости представителей «техноструктуры» от крупных собственников, магнатов финансового капитала, но и показывают, что интересы «техноструктуры» полно-

¹ К, Маркс и Ф, Энгельс. Соч., т. 25, ч. I, стр. 274.

стью соответствуют их интересам. Да здесь и не может быть противоречий. Фальшивая маска «независимости» спадает с «техноструктуры», стоит только слегка приподнять пелену, скрывающую механизм власти в «зрелой» корпорации.

Возьмем, к примеру, рассуждения проповедников «техностронных» иллюзий о том, будто представители «техноструктуры» независимы от собственников крупных капиталов и «ответственны» не столько перед ними, сколько перед обществом. Кто же они, эти «независимые» от капиталистов и «ответственные» перед обществом, составляющие, по словам Дж. Гэлбрейта, «интеллект корпорации»? И насколько они действительно независимы от фактических собственников корпораций?

Это прежде всего те, кто, получив свой пост, иногда высший (председатель правления или президент), но чаще всего второразрядный, не владеет крупным пакетом акций. В первой тысяче крупнейших американских корпораций наемные управляющие занимают около половины высших административных постов и около $\frac{9}{10}$ вице-президентских. Но все они доверенные лица либо главных владельцев корпораций, либо банков, контролирующих значительную часть активов промышленных компаний. Их выдвижение на руководящий пост или смещение есть одна из форм контроля над управлением корпорации со стороны ее собственников.

Как делается карьера наемного служащего, будь то инженер или администратор? Обычно она протекает в рамках одной корпорации и состоит в медленном карабканье с одной ступеньки на другую. Для подавляющего большинства таких служащих пост вице-президента — предел мечтаний.

Что касается тех относительно редких случаев, когда наемный служащий получает главный административный пост, то это, как правило, касается людей «со стороны», скажем отставных военных, партнеров крупных адвокатских контор, реже университетских ученых либо бывших политических деятелей. Они слабо разбираются в технике, технологии и организации производства и рынка, но зато имеют обширные связи в деловом мире или в правительственных кругах. Неред-

ко бывает так, что на главные административные посты приглашаются люди со звонким именем. Так, небезызвестный генерал Дуглас Макартур долгое время «украшал» председательское кресло крупной военно-промышленной корпорации «Сперри рэнд». Он получал солидное жалованье — примерно в 2,5—3 раза больше, чем министр правительства США. За это Макартур один раз в месяц председательствовал на заседании совета директоров, но самое главное — «открывал» для корпорации двери в Пентагоне.

Конечно, военные широко используются на административных постах в корпорациях. В 1971 г., например, на службе у американских корпораций находилось свыше 2000 отставных старших офицеров и генералов. Но более важное явление в сфере управления корпорацией — быстрое увеличение числа занятых там узкоспециализированных научно-технических работников. Так, за 1950—1965 гг. численность инженеров в хозяйстве США возросла на 82%, и, по прогнозу на 1975 г., она должна повыситься еще на 54% и достичь 1,5 млн. человек.

Особенно заметно появление специалистов на том уровне, где принимаются решения о направлениях капиталовложений, формулируется производственная и рыночная политика, определяется целесообразность разработки либо внедрения того или иного технического новшества, т. е. на уровне управления корпорацией. Вот один из характерных примеров. В конце 60-х годов в 500 наиболее крупных американских корпорациях четверть вице-президентов, отвечающих за рыночную политику корпорации, имели инженерные дипломы.

Сложность самой производственной структуры корпорации, обширность сферы ее деятельности, растущая дробность и многообразие производимой продукции — все это и привело к невиданной когда бы то ни было ранее дифференциации управленческих функций, несомненно усилило роль группового решения с использованием новейших достижений науки управления.

Сейчас в аппарате управления корпорации широко представлены не только экономисты, но и специалисты по рыночному анализу, рекламе, инженерной психологии, разного рода консультанты по вопросам «социальных отношений», специалисты административ-

ного управления. Появление в «коридорах власти» корпорации новых людей, служебное положение которых зависит не столько от ее собственников, сколько от высших менеджеров, естественно, наложило определенный отпечаток на всю структуру управления. Особенно сильно это сказалось на внешней стороне взаимоотношений служащих-специалистов и акционеров: практика групповой разработки решений, определяющих всю гамму деятельности корпорации, породила у первых чувство исключительности.

Буржуазные теоретики довольно четко подметили эти новые явления. Но их неумное желание выдать внешние признаки за сущность явления и здесь сыграло с ними злую шутку. Стремление служащих — специалистов корпорации расширить свои права идеологи буржуазии стали трактовать как борьбу за власть в корпорации и декларировали превращение «техноструктуры» в новую господствующую силу, чуть ли не изменившему классовый характер управления капиталистическим предприятием. На самом же деле такого превращения нет и не может быть.

Прежде всего потому, что расширение рядов, повышение образовательного ценза и профессиональная дифференциация административного персонала отнюдь не свидетельствуют об изменении классового характера управления и капиталистической сущности корпорации. Инженерное или специальное административное образование может иметь и сам владелец контрольного пакета акций. В этом случае в одном лице совмещаются и собственник корпорации, и ее менеджер, нередко занимающий ключевой пост в структуре управления. В тех случаях, когда руководство корпорацией сосредоточено в руках наемного технократа, он все равно остается тем, кем был, — ставленником главных акционеров, послушно выполняющим их волю.

Что касается возможности технократов, входящих в «техноструктуру» корпорации, влиять на ее деятельность в направлении изменения мотивов и существа этой деятельности, то это не более чем фантастика. Ведь их управленческие функции предельно ограничены. Ф. Лакдберг, например, пишет: «В корпорациях налицо большая концентрация мозгов. Но она, как правило, обнаруживается не среди высших менеджеров, а

среди низкооплачиваемых юристов, инженеров, ученых, специалистов по анализу рыночной конъюнктуры и общественных отношений. Специалисты обычно пишут доклады для членов корпоративной верхушки».

О каком же «господстве» «техноструктуры» может идти речь, если ее управленческие функции сведены к подготовке лишь рекомендаций? Каким образом капиталисты «отстраняются от власти», если основополагающие решения принимаются на самом вершине менеджмента, т. е. там, где высшие наемные технократы сливаются с крупнейшими собственниками?

Относительно низкая заработная плата специалистов, их подчиненное и зависимое положение, понимание своего зачастую интеллектуального преимущества перед крупнейшими собственниками и верхушкой менеджмента, которых они нередко называют «дураками» и «корчатся от стыда», когда, обнаруживается их потрясающая некомпетентность и невежество в важнейших вопросах управления,— все это придает низшим и средним слоям «техноструктуры» определенную обособленность, питает их критическое отношение к «власть имущим», порождает иллюзорное желание ради «престижа науки» взять всю полноту управления в свои руки.

Но эти миражи моментально исчезают, как только дело касается вещей реальных — карьеры, благосостояния, долларов. Члены «техноструктуры» тут же забывают о «престиже науки» и собственной исключительности. И сразу все становится на свои места: возрастание роли научно-технического прогресса, большой престиж чистых и прикладных наук, создание благоприятных условий для их развития отражают не потребность «техноструктуры», как бы ни пытались это доказывать буржуазные теоретики, а потребность монополий, которые в современных условиях без использования в производстве и управлении новейших достижений науки и техники не в состоянии не только получать монопольные прибыли, но даже выжить. И нет сомнения в том, что рассуждения современных буржуазных теоретиков о независимости и надклассовости «техноструктуры», как и само использование этого термина в их идеологических акциях, лишь маскирует подчинение

научно-технических работников финансовой олигархии.

Такую ситуацию в свое время предсказывал К. Маркс. Он, в частности, писал, что «рядом с действительным управляющим и над ним появляется множество членов правлений и наблюдательных советов, для которых управление и контроль фактически служат лишь предлогом к ограблению акционеров и к собственной наживе»¹. Последнее обстоятельство оказывает довольно сильное влияние на «техноструктуру».

Если взять наиболее «типичных» ее представителей — профессиональных управляющих, то их «путь вверх» нередко лежит через нарушение государственных и человеческих законов. Чтобы пробиться к заветному креслу, они не церемонятся с коллегами, не гнушаются подсиживанием и зачастую действуют по принципу: кто кому быстрее «перережет горло».

Примерно за десять лет до того, как Дж. Гэлбрейт издал свою книгу, где довольно много места уделит воспеванию высоких моральных качеств «техноструктуры», а Д. Белл и З. Бжезинский в своих «теоретических» обобщениях декларировали ее право на управление не только корпорациями, но и обществом, в органе американских деловых кругов газете «Уолл-стрит джорнэл» была опубликована статья о результатах социологического опроса 50 администраторов крупнейших корпораций в 12 городах США. Тема опроса — методы продвижения по служебной лестнице. И вот что они поведали:

«Некий вице-президент одной корпорации заткнул карбюратор автомашины своего соперника с тем, чтобы тот опоздал на заседание административного совета корпорации... Один высокопоставленный администратор одной консервативной пенсильванской корпорации распустил через печать слухи о том, что его главный соперник в свое время симпатизировал политике «нового курса», и таким образом лишил его возможности стать президентом...» Опрошенные администраторы сходятся на том, писала американская газета, что «подсиживание в наше время влечет за собой провал так же часто, как и успех... Соблазнительный пример тех, кто

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. I, стр. 428.

добился успеха, поддерживает весьма большой интерес к этому виду искусства...» Один специалист по вопросам управления говорит: «Человек, являющийся компетентным и бесцеремонным и комбинирующий эти качества с искусством подсиживания, вероятно, возьмет верх над человеком, который просто компетентен».

Таковы морально-этические черты облика американской «техноструктуры». Ну, а что можно сказать об их «общественной сознательности», их приверженности к «интересам общества»? В практике капиталистического делового мира очень много примеров, которые убедительно свидетельствуют: монополистический капитал и его доверенные меньше всего думают и заботятся об интересах общества. Их цель была и остается прежней: извлечение максимальной прибыли любой ценой.

В последнее десятилетие американская общественность, в какой-то мере приученная рекламой к восприятию корпораций в образе «корпоративной добродетели и общественной ответственности» (кстати, по свидетельству журнала «Форчун», нефтедобывающая монополия «Стандард ойл оф Калифорния» затратила 14 млн. долл., чтобы создать о себе именно такое представление), была потрясена серией крупных скандальных разоблачений противозаконных действий монополий и их управляющих.

Вот, например, краткая история «Большого электрического заговора». В начале 50-х годов руководители 29 американских электротехнических компаний во главе с управляющими корпорации «Дженерал электрик» заключили тайное соглашение о «возгонке» цен на электрооборудование. Делалось это так. На торгах государственных, муниципальных или частных заказов участники этого тайного картеля договаривались, кто из них должен получить данный заказ. Представители выделенной корпорации назначали завышенную цену, а другие участники называли еще более высокие цены. Естественно, заказ получала первая компания. За семь лет действия «заговора» таким путем были получены заказы на 7 млрд. долл. Только одна «Дженерал электрик», как признали ее управляющие, обчислила своих заказчиков на 75 млн. долл.

«Заговор» был раскрыт. Состоялся громкий судеб-

ный процесс над 45 администраторами корпораций — участниц тайного картеля. По приговору суда лишь семь менеджеров сели в тюрьму на 30 дней, а корпорации отделались штрафом, общая сумма которого не превысила 1 млн. долл.

Затем посыпались не менее скандальные разоблачения. Были раскрыты махинации управляющих пяти крупных металлургических компаний. А следом за этим — заговор шести ведущих металлургических корпораций во главе с «Юнайтед стейтс стил», руководители которых обманывали потребителей при поставках листовой стали. Примерно в то же время стало известно, что 18 нефтяных компаний, в том числе такие крупные, как «Стандард ойл оф Индиана» и «Сокони мобил ойл», в течение многих лет обманным путем назначали на торгах завышенные цены на асфальт.

Во время судебных разбирательств управляющие корпораций заявляли, что они действовали, во-первых, в соответствии с практикой американского делового мира и, во-вторых, если бы они не применяли всех средств для увеличения прибылей акционеров, то вряд ли им удалось бы сохранить свои посты.

Надо полагать, распространителям вымыслов об отсутствии у «техноструктуры» стимула к «максимизации прибыли» и преобладании у нее «чувства общественных интересов» были известны эти факты. Чем же, как не откровенной апологетикой монополистического капитала, можно объяснить их попытку закрыть глаза на антиобщественную деятельность управляющих корпораций и поставить все с ног на голову?

Парадоксально, но факт: в книге А. Берли «Власть без собственности» в качестве образца «респектабельной» корпорации, насквозь якобы проникнутой духом «общественной сознательности», приводится одна из крупнейших корпораций капиталистического мира — «Дженерал электрик». И вот что показательное: за последние пятьдесят лет судебные органы США вынесли руководителям этой корпорации 29 обвинительных приговоров за нарушение либеральных антитрестовских законов. Если таков «послужной» список у «образцов респектабельности», то можно представить, каков он у управляющих тех американских монополий, которые не удостоены подобного титула!

Конечно, «риск в работе» (ведь что ни говори, а менеджерам хотя и не часто, но приходится посидеть на скамье подсудимых) оплачивается неплохо. Свое чрезвычайно высокое жалование (в среднем жалование высших наемных администраторов 100 крупнейших американских корпораций в несколько раз превышает жалование члена правительства США) они получают прежде всего за лояльность по отношению к доверителям — главным собственникам. Нужно еще учесть, что кроме жалования высшие наемные служащие имеют дополнительное вознаграждение в виде премиальных бонусов, которые нередко значительно превышают основной оклад.

Но вообще-то хозяева корпораций не церемонятся со своими слугами. Жизнь американских деловых кругов дает множество примеров, когда за малейшую попытку противопоставить себя совету директоров, где заседают главные акционеры, наемные технократы моментально оказывались «за воротами». На их счет обычно списываются неудачи и «проколы» в деятельности корпорации. И представители «всесильной техноструктуры» не в состоянии ничего этому противопоставить. Да оно и понятно. Ведь реальный контроль находится не в их руках, а у тех, кто владеет решающей долей акционерного капитала.

Несомненно, социальное положение представителей «техноструктуры» довольно высокое. Но зря идеологи буржуазии приписывают им невозможное, — управленческая и научно-техническая элита не вытеснила представителей финансовой олигархии с командных высот современного буржуазного общества и не лишила их власти. Этого сделать она не в состоянии по той простой причине, что «меритократы», как называет их З. Бжезинский, не располагают тем, что в буржуазном обществе дает право на участие в принятии решения, — достаточно крупной собственностью на средства производства. Они и не пытаются оспаривать эту власть, а верно служат ей.

Однако в последнее время в отношениях монополистического капитала и научно-технической интеллигенции появился ряд новых черт. Главное здесь повышение социальной активности ее низших и средних слоев.

Рост гнета и всевластие монополий, военные авантюры империалистических кругов, неспособность капитализма разрешить наиболее острые социальные противоречия, нарастающее давление на материальное положение трудящихся, реакция по всем линиям общественной жизни — все это вызывает гневный протест прогрессивных, демократически мыслящих представителей научной и технической интеллигенции.

* * *

Таким образом, утверждения изобретателей новейших вариаций «трансформации» капитализма не выдерживают даже малейшего соприкосновения с действительностью современного капиталистического общества. Да оно и понятно. Их появление — это своеобразные попытки буржуазных идеологов приспособиться к новой исторической обстановке в условиях углубляющегося общего кризиса капитализма, попытки противопоставить марксистско-ленинскому учению о неизбежности революционного перехода от капитализма к социализму свою альтернативу, опирающуюся на серию «технотронных» иллюзий. Насаждая эти иллюзии, монополистическая буржуазия преследует в конечном итоге одну цель: убедить широкие трудящиеся массы капиталистических стран в ненужности и вредности всякой борьбы за революционное преобразование существующего строя.

Но подобные попытки терпят вполне закономерный провал. Революционное рабочее движение в союзе с другими угнетенными и попранными монополиями слоями капиталистического общества ведет против них решительную борьбу. Трудящиеся массы все больше отворачиваются от буржуазной идеологии, ее кризис углубляется.

Содержание

1. «Бестселлеры десятилетия»	3
2 В путях «технологизма»	17
3. Миф о «зрелой» корпорации	30
4. «Техноструктура»: вымысел и правда	41
5. Под фальшивой маской ,	50

Чаплыгин Юрий Петрович

«ТЕХНОТРОННЫЕ» ИЛЛЮЗИИ

Заведующий редакцией *В. Т. Пискунов*

Редактор *Е. М. Аветисян*

Младший редактор *Н. Н. Рошупкина*

Художественный редактор *С. И. Сергеев*

Технический редактор *Н. П. Межерьцкая*

Сдано в набор 13 июля 1972 г. Подписано в печать 13 октября 1972 г. Формат 84 x 108 1/32. Бумага типографская № 1. Условн. печ. л. 3,36. Учетно-изд. л. 3,32. Тираж 41 тыс. экз. А00201. Заказ № 1638. Цена 12 коп.

Политиздат, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий». Москва, Краснопролетарская, 13